

Вадим Геннадьевич Проскурин

Добрая фея

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=454495
Добрая фея: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-44057-3

Аннотация

Мало кто знает, что одно из засекреченных спецподразделений КГБ было создано для борьбы с монстрами и астральными паразитами из других миров, терроризирующими окрестности Москвы. Ученый Константин Бирюлев тоже не знал этого, пока не встретил за городом обольстительную красавицу – настоящую фею, способную выполнить любое, самое невыполнимое желание. Казалось бы, жизнь удалась – однако исполнение всех желаний амбициозного ученого вполне способно привести мир к глобальной катастрофе...

Содержание

Глава первая	4
1	4
2	7
3	9
4	12
5	14
6	17
7	19
8	22
9	25
10	28
Глава вторая	31
1	31
2	34
3	37
4	40
5	42
6	44
7	47
8	49
9	51
10	53
Глава третья	56
1	56
2	59
3	61
4	64
5	67
6	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Вадим Проскурин

Добрая фея

Глава первая

Фея

1

Тихий и теплый летний вечер пришел на смену жаркому дню. У реки свежо и прохладно, широкий водный поток неспешно движется слева направо, вода мутная, илистого дна совсем не видно. Ласковый ветерок колеблет водную гладь, покрытую мелкой, почти неразличимой рябью, от жуков-водомеров, деловито шныряющих по поверхности воды, расходятся широкие круги. Где-то вдали квакает лягушка, стрекочут какие-то насекомые. Мир и покой.

Он подумал, что видит этот пейзаж в последний раз, и глухо застонал. Не потому, что этот уголок дикой природы так уж дорог ему, нет, дело совсем в другом. Ему хотелось плакать, кричать что-то неразборчивое, размахивать кулаками, угрожать непонятно кому, а потом напиться и все забыть. Заснуть, проснуться и понять, что это был страшный сон. Чтобы он оказался в собственной постели, чтобы Ольга разбудила его неловким движением, а он открыл глаза и медленно осознал, что все приснилось. Что мерзкое и противное слово «развод» так и осталось абстрактным словом, которое можно встретить в светской хронике желтых газет, ты знаешь, что это слово означает, но одно дело знать, и совсем другое дело – прочувствовать на собственном опыте.

Нельзя сказать, что распад их семьи был неожиданным. К этому все шло, все признаки были налицо. Он был готов, что им придется расстаться, если не прямо сейчас, так через пару-тройку лет, он давно отбросил надежду, что их любовь будет длиться до гроба, как в сказках. Но он всегда считал, что они сумеют расстаться цивилизованно, без битья посуды, что они сумеют «остаться друзьями», так это называется в любовных романах. Конечно, будут обиды, будет душевная боль, но они взрослые люди, интеллигентные, уравновешенные, они договорятся.

Вначале он заметил, что Ольга стала слишком часто уезжать в короткие деловые поездки. Он подумал тогда: «Все нормально, рано или поздно это должно было случиться, так почему бы не случиться ему прямо сейчас?» Он не был уверен в своих подозрениях, но готовился к худшему... впрочем, тогда он не считал это худшим исходом. Это было даже забавно, продумывать разные сценарии решительного разговора, наслаждаться собственной уравновешенностью, которую он, несомненно, проявит, а Ольга будет бесноваться, впадет в истерику, будет кричать, оскорблять его, а он не подаст виду...

А потом наступило сегодняшнее утро. Пятница, тринадцатое, он еще подумал в начале разговора, что это самый подходящий день для финального выяснения отношений.

– Нам нужно расстаться, – сказала Ольга просто и буднично, с подобной интонацией она могла попросить его передать сахарницу.

Он подумал, что ослышался. Но он не ослышался.

– Сын будет жить со мной, – продолжала Ольга. – Квартиру я пока оставляю тебе, с долями разберемся потом, когда все уляжется. На машину я не претендую, а вот дачу я,

извини, тебе не отдам. Я вот что предлагаю. После работы съезди на дачу, собери свои вещи, а в воскресенье возвращайся. Я как раз соберу свое барахло и уеду. Как тебе такой вариант?

– У тебя кто-то есть? – спросил он.

Он понимал, что не нужно спрашивать об этом, что любой вариант ответа будет ему неприятен. Надо было просто кивнуть и сказать что-то вроде: «Хорошо, сейчас допью кофе и поеду». Но он не смог промолчать, он растерялся, и его понесло.

– Какое тебе дело? – спросила Ольга, поморщившись. – Ну, допустим, есть, что с того?

– Ну, интересно же, – сказал он. – Расскажи про него. Как вы познакомились?

– А ты уверен, что хочешь услышать? – спросила Ольга.

Он пожал плечами и сказал:

– Если стесняешься, можешь не рассказывать.

Она тоже пожала плечами, немного помолчала и сказала:

– Мы познакомились по Интернету, через службу знакомств. Я разместила анкету, он написал мне в личку, мы встретились... все как обычно.

– Сын уже знает?

– Пока нет, скажу, когда из школы придет. Ты не бойся, я не буду запрещать ему с тобой видеться, приезжай хоть каждое воскресенье. Заодно будешь алименты привозить. Если будет что привозить.

Он дернулся, как от пощечины.

– Ты поэтому уходишь? – спросил он. – Нашла богатого спонсора?

Он хотел задать этот вопрос спокойно и безразлично, но голос предательски дрогнул.

– Это не спонсор, – ответила она, и ее голос тоже дрогнул. – Я не блядь, как ты подумал. Хороший человек, ну, да, не бедный. Он меня любит, а я люблю его. Трудно поверить, правда? Думал, я никому не нужна, кроме тебя?

Она тяжело вздохнула.

– Я устала, – сказала она. – Знал бы ты, как я устала... Все на мне, дом, ребенок, да еще тебя содержать, как будто второй ребенок на мою голову...

– Это не навсегда, – сказал он, понимая, что начинает оправдываться и что это ошибка. – Я тебе говорил, грант кончился, но Денис пробьет новый, может, не сразу, кризис все-таки...

– Это я уже много раз слышала, – сказала она. – Я устала. Денег нет, по дому ты ничего не делаешь, ребенком не занимаешься, только пиво пьешь, какая от тебя польза?

– А от тебя какая польза? – спросил он. – Знаешь, как меня достали твои упреки?

– Знаю, – кивнула она. – Успокойся, их больше не будет. У тебя кофе остыл. Пей быстрее, на работу опоздаешь.

Он рассеянно глянул в чашку и допил остатки одним глотком. Кофе был холодным и мерзким.

Она посмотрела на стенные часы.

– Собирайся, – сказала она. – Я тебя жду.

– Зачем ждешь? – тупо спросил он.

– Ты уйдешь, я начну собирать вещи, – терпеливо объяснила она. – Не глупи, Костя, одевайся, уходи.

В его душе начала подниматься ненависть. Ольга прогоняла его буднично, почти без эмоций, так прогоняют бродячую собаку, сунувшую нос в сумку с колбасой. Она относится к нему как к собаке, она не уважает его, презирает, она давно уже не любит его, но раньше, когда он приносил домой хорошие деньги, она его терпела. А теперь терпеть его незачем, он больше не нужен, пусть уходит. И так спокойно...

Он не помнил, что сказал потом и что она ответила. Это был провал в памяти, непонятно, сколько времени он длился – минуту или полчаса. А закончился этот провал отворачи-

тельной картиной, которая и сейчас стояла перед его лицом во всех подробностях. Красное и перекошенное от гнева и слез лицо Ольги, он размахивается и с наслаждением отвешивает ей пощечину. Ее голова дергается, она замахивается в ответ, он легко ставит блок и бьет ее в лицо, коротким прямым ударом, как ударил бы мужчину. Раньше он не думал, что сможет ударить женщину, но это оказалось совсем не трудно. Противно, но не трудно.

В прихожей звонит звонок, Ольга убегает. Костя стоит на кухне, опустив руки, он тяжело дышит, в крови бушует адреналин, а голова пуста. Где-то вдали Ольга что-то говорит, она захлебывается слезами, а он не понимает, что это значит, пока на кухню не врывается мужик.

Он одного роста с Костей, но намного шире в плечах. Немолодой, лет пятидесяти, лысый, с жесткими и грубыми чертами лица, в фильмах такие люди играют военных и полицейских. Двигается он плавно и даже грациозно, как большой кот, и Костя понимает, что в рукопашной схватке с этим мужиком у него нет никаких шансов. Но его никто не спрашивает.

Вроде ничего не произошло, а Костя лежит на полу, из носа хлещет кровь, в бок больно упирается табуретка, которую он опрокинул, падая. А страшный мужик говорит красивым низким голосом:

– Мразь.

Очень противно все это вспоминать, мерзкое и отвратительное ощущение. И самое мерзкое не то, что опух нос, болит скула и левый глаз полностью не открывается, а то, что понимаешь, что получил за дело. Ты всегда считал себя приличным человеком, способным решить любую проблему спокойно и деловито, без лишних эмоций, а когда дошло до дела, вдруг выясняется, что в бездне твоей души живет грязная первобытная тварь. Она отодвинула в сторону всю твою рассудительность, все понятия о приличном, и оказалось, что ты не только способен ударить женщину, но и получить от этого удовольствие. Костя реально наслаждался, избивая жену, это он помнил прекрасно, и это было самым отвратительным и унижительным во всем случившемся.

А теперь придется жить, храня всю эту гадость в собственной памяти. И еще надо как-то объяснить сыну, что произошло и как оно произошло, что его отец – не совсем законченный мерзавец... Впрочем, почему не законченный?...

Если бы жизнь была игрой, сейчас было бы самое время вернуться к сохраненной записи. Или вообще начать игру сначала, с другой женщиной, которая никогда не поступит с ним так, не заставит показать миру всю свою низость, обычно надежно скрытую глубоко внутри. Хорошо бы сейчас из мутной реки вышла русалка...

Он понял, о какой ерунде размышляет, и застонал. Господи, как же стыдно...

2

– Ну что, Чарли, плакали наши шашлыки? – спросил Юра.

Чарли безразлично пожал плечами. Когда ребята предложили использовать в своих интересах особенности новой сигнализации, он ожидал чего-то подобного. Закон подлости нельзя обмануть. Если ты пытаешься сделать так, чтобы, когда система сломается, это стало хорошо, система сразу начнет работать надежно, как бы издеваясь над твоими попытками извлечь выгоду из ее глюков. В чем-то это даже хорошо, лучше провести дежурство в относительно уютной комнате, чем на пыльном проселке в «Дефендере» с неработающим кондиционером. Даже если в конце пути тебя ждет шашлык.

Обычно сигнализация давала два-три ложных срабатывания в день, чаще всего они случались около трех часов дня, одно за другим на нескольких разных детекторах. Тогда Чарли выбирал детектор, самый близкий к базе, дежурная смена выезжала на место происшествия, часам к четырем они туда добирались, прикомандированный техник Миша подключал ноутбук напрямую к детектору, минут десять что-то делал, а потом говорил, что тревога точно ложная, но какая неисправность ее вызвала, он не понимает. К этому времени в других местах, где сработала сигнализация, она сама понимала, что тревога была ложной, и присылала на телефон Чарли кодированные эсэмэски. В конечном итоге дежурная смена с чистой совестью ехала назад, их ждал ужин, традиционная партия в преферанс и здоровый сон. В принципе работа неплохая, непыльная. Не очень хорошо, что теряются боевые навыки, но, с другой стороны, пусть лучше они теряются, чем тренировать их каждый день в боевой обстановке. Прошлой весной, когда случился самый большой прорыв НЛО за всю историю семнадцатого управления, их группа потеряла троих. Не дай бог еще раз с таким столкнуться. Лучше каждый четвертый день совершать традиционную бессмысленную поездку, вяло ругать техников, которые никак не могут наладить тупое железо, а заодно и автомастерскую, которая второй год не может заказать шланг от кондиционера взамен сожранного инопланетными мухами.

Та летающая тарелка была первой, с нее начался тот самый великий прорыв. Тогда на детекторах работала старая система сигнализации, сработанная еще дореволюционными мастерами, не слишком чувствительная, но очень надежная. И когда на центральном пульте загорелась красная лампочка, никто не думал о шашлыках. Быстро собрались, поехали, все серьезные, деловитые, сосредоточенные. Прибыли на место, замерили параметры, обалдели от результатов измерения, запросили помощь, подняли по тревоге мотострелков и летчиков, Ингус взял след, начали преследование. В тот раз след вел не в болото и не в буераки, он тянулся прямо по перепаханному полю, и когда Чарли понял это, он приказал всем грузиться в машину, спустить Ингуса с поводка и ехать за ним, так сказать, с комфортом. Это решение спасло жизнь всем, кроме Ингуса.

Мухи атаковали внезапно. Только что ничего не предвещало опасности, и вдруг овчарка останавливается в замешательстве, начинает скулить, бестолково метаться, Огурец смотрит на НЛОметр и кричит:

– Оно здесь!

Но это и без того всем ясно. Ингус падает на спину, он уже не скулит, а визжит, катается по грязной земле, и Чарли вдруг видит мух. Только что их не было (в самом деле, откуда мухи в марте?), и вот тело собаки покрыто сплошным живым ковром, и очевидно, что Ингусу уже не помочь.

Сева хватает автомат и тянется к задней двери, Чарли кричит:

– Отставить!

И добавляет, уже спокойнее:

– Ты бы еще гранатомет схватил.

Сева уже и сам понимает, что автомат не поможет. Он растерянно спрашивает:

– Так как же это?

Чарли оставляет вопрос без ответа. Зажимает пальцем кнопку связи с летчиками и говорит в рацию, спокойно так, с расстановочкой:

– Фиксируйте мои текущие координаты. Вызываю огонь на себя, термобарическими.

Радиус зоны... гм... пятьсот метров.

– Сколько-сколько? – переспрашивает рация.

– Пятьсот, – подтверждает Чарли.

И обращается к водителю:

– Джа, поехали назад.

Джа кивает, его рука почти не трясется на рычаге переключения передач. Ингус взвизгивает в последний раз и затихает, джип разворачивается и начинает обратный путь по собственной колее. Чарли ставит автомат обратно в гнездо и хватается за ручку – машину сильно трясет. Джа ведет слишком быстро, но Чарли не делает ему замечания. Чарли ждет, когда появятся самолеты.

Четверка «Су-24» прочерчивает небо, закладывая красивый вираж. Чарли поспешно хватается за рацию, пока не дошел звук от их моторов.

– Что такое? – спрашивает он у рации. – Почему не сбросили бомбы?

– Не суетись, – советует ему рация. – Успеешь еще помереть. Поддайте-ка газку чуть-чуть.

Джа поддает газку, машину трясет еще сильнее. Рука Чарли соскальзывает с кнопки, он матерится. Нажимает кнопку еще раз и кричит в рацию:

– Бомбы, немедленно! – и подтверждает серьезность своих слов длинной матерной тирадой. – Мы тут не шутки шутим! Опасность высшей степени!

Голос в рации становится серьезным.

– Ты уверен? – переспрашивает он.

Ответная фраза Чарли состоит исключительно из мата. Он переводит дыхание и добавляет:

– Да, уверен.

Проходит секунд тридцать, и мир взрывается. Потом проходит месяц, и на парадной форме Чарли появляется орден «За заслуги перед Отечеством».

– Чарли, проснись, – сказал Юра.

Чарли понял, что уже пару минут тупо пялится в экран компьютера. Он улыбнулся, повернул голову, начал подбирать слова для ответа, и в этот момент на пульте сигнализации запищал зуммер.

– А вот и не плакали наши шашлыки, – сказал Чарли и криво ухмыльнулся. – Ребята, выезжаем!

3

От реки донесся всплеск, не иначе крупная рыба. Костя перевел взгляд в ту сторону и увидел над водой человеческую голову. Точнее, женскую голову, блондинка лет двадцати, незнакомая. Интересно, к кому она приехала в гости? И почему купается одна? И почему он не заметил ее раньше?

– Привет, – сказала блондинка.

– Привет, – отозвался Костя.

Пожалуй, красавицей ее не назовешь, нос крупноват, подбородок островат, да и вообще черты лица немного неправильные. Но глаза большие, выразительные. А ключицы слишком выпирают, наверняка очень худая, как модель. Костя не любил худых женщин.

Блондинка шла по дну, приближаясь к берегу. Вот из воды появились плечи, вот грудь, очень маленькая, с маленькими некрасивыми сосками. Гм... а она ведь голая купается.

Девушка улыбнулась, очень мило и обаятельно, и хихикнула.

– Извини, – сказала она. – Я не хотела тебя смущать.

На какой-то миг Косте показалось, что ее губы не движутся, когда она говорит.

– А никто и не смутился, – сказал Костя. – Подумаешь, голая девушка...

К этому времени она была видна уже по пояс. Действительно, очень худая, не как модель, но все равно худая. Тазовые кости сильно выступают... гм... А она совсем голая, не только топлес.

Она подошла к Косте вплотную, на ее губах блуждала рассеянная улыбка. Вытянула руку и осторожно коснулась Костиной щеки. Прикосновение отозвалось болью, Костя сразу вспомнил, откуда берется эта боль, и сморщился. На минуту он забыл свой вчерашний позор, но теперь воспоминание вернулось. И не в последний раз.

– Прости, – сказала девушка. – Я не хотела причинять тебе боль.

Она еще раз коснулась его щеки, на этот раз мягко и нежно, и совсем не больно. От нее пахло речным илом, но сквозь этот запах пробивался другой. Биологи говорят, что люди нечувствительны к феромонам, но это ерунда, Костя всегда так считал, и неважно, что написано в умных статьях из журнала Nature. Запах женщины – это запах женщины, особенно если женщина так молода и так соблазнительно улыбается.

Он прикоснулся к ее запястью и вздрогнул. Это неправильная, безумная ситуация, эта девчонка не должна здесь быть, и он не должен стоять рядом с ней и думать о ее ласках. Откуда она взялась?

Он не стал искать ответа. Он боялся, что найдет его и что этот ответ ему не понравится. Ему тяжело, его бросила жена, его надо утешить, а кто лучше сможет его утешить, чем умеренно симпатичная юная девушка? И наплевать на вопросы, ответы на них надо искать в спокойной обстановке, а не тогда, когда тебя переполняет боль и ненависть к самому себе. Сейчас боль немного отступила, и это хорошо, пусть она отступит еще немного.

– Пойдем, – сказала она. – Я помогу тебе справиться с болью.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Идинна, – ответила она.

Он внезапно понял, что из всех слов, что она произнесла, только эти слова прозвучали реальным колебанием воздуха. Все остальное, что она говорила, звучало только в его голове. И ее губы на самом деле не двигались, это ему не показалось.

– Идинна, – повторил он и глупо хихикнул. – Можно я буду звать тебя Инна? Это и похоже, и одно и то же.

Произнеся эти слова, он сразу пожалел, что не к месту процитировал этот глупейший анекдот. Что поделать, он никогда не умел нормально разговаривать с женщинами, удиви-

тельно, как Ольга в свое время сумела разглядеть в этом нескладном застенчивом парне... Впрочем, не стоит сейчас думать об Ольге, это слишком больно.

– Хорошо, – сказала Инна. – Пусть будет так. Пойдем.

Она взяла его за руку и повела вверх по склону, к дороге, сразу за которой стоит его дача. Точнее, его бывшая дача. Он соберет вещи, уедет и никогда больше здесь не появится, здесь будет жить Ольга и этот страшный лысый мужик, которого Андрей, может быть, станет называть папой. Хотя нет, не станет, четырнадцатилетний парень никогда не позволит себе такого. Впрочем, кто его знает, Ольга наверняка ему уже все рассказала... И он не позвонил, ни вчера, ни сегодня...

– Не терзай себя, – сказала Инна. – Это уже прошло. Оставь прошлое прошлому.

– Кто ты? – спросил Костя.

– Инна, – ответила Инна. – И не надо больше об этом. Я здесь, и я желаю тебе только хорошего, а больше ничего не важно.

– Nothing else matters, – пробормотал Костя себе под нос.

– Ага, – сказала Инна.

Они поднялись на дорогу, Костя воровато оглянулся по сторонам. Кажется, никто их не видит, это хорошо.

– Мне надо одеться, – задумчиво констатировала Инна. – Ходить голой по улице неприлично.

Немного подумала и добавила:

– Но мы не будем спешить.

Они прошли через скрипучую калитку, поднялись по ступеням разошедшегося крыльца, Инна остановилась и сказала:

– Я приму душ. Да и тебе не помешает.

Они приняли душ вместе. Она начала ласкать его прямо в душе, поначалу он был растерян и пассивен, но это продолжалось совсем недолго, он начал отвечать на ее ласки, а затем в его душе будто прорвался вулкан. Впервые за почти четырнадцать лет его посетило восхитительное чувство, когда можно все, нет ничего запретного, и каждое движение, каждый жест, каждое прикосновение дарят радость, и вся эта радость без остатка разделена между влюбленными. Это чудесное, нереальное единение, когда два тела становятся одним и две души становятся одной, нет усталости, нет боли, нет ничего, кроме наслаждения, то острого, как порез бритвой, то тихого и плавного счастья, какое, говорят, бывает после укола героина. Они знакомы всего несколько минут, но это неважно, Инна любит его, и он любит ее, это не то чувство, какое может длиться годами, это мгновенно проснувшаяся страсть, но сейчас эта страсть так же остра, как и настоящая любовь. Потом страсть пройдет, но в душе останется приятное воспоминание и еще останется благодарность к Инне за то, что она помогла ему справиться с горем и стыдом.

Они начали в душе, продолжили на постели, это длилось бесконечно, в какой-то момент он с удивлением понял, что наступила ночь, но это ничего не значило. И когда силы окончательно оставили их, было уже далеко за полночь.

Он спустился вниз, взял два пива, лучше бы подошло вино, но вина не было. Инна пригубила и отказалась пить дальше.

– Тебе не нравится «Гиннесс»? – спросил Костя. – В холодильнике есть «Хольстен», он светлый...

– Мне не нравится алкоголь, – сказала Инна. – Я не могу его пить. Если хочешь меня угостить, угости чаем с чем-нибудь сладким.

– Ты совсем не пьешь? – удивился Костя. – Почему? Ты... Нет, это, наверное, бестактный вопрос.

– Ничего бестактного, – сказала Инна. – Но, ты прав, этот вопрос лучше не задавать. Ты ведь все равно уже знаешь ответ.

Да, Костя знал ответ. Но он не хотел произносить эти слова вслух, пусть лучше они останутся невысказанными.

– Фея, – сказал он. – Моя добрая фея.

И погладил ее по щеке.

4

Саша вытер пот со лба и сказал:

– Ну вот, кажется, все. Я думал, у тебя намного больше барахла.

– Я странная женщина, – сказала Ольга. – Не люблю копить вещи.

– Это точно, странная, – кивнул Саша. – Люблю странных женщин. Может, на дачу съездим? Суббота, два часа дня всего, успеем вполне. Позвони мужу, скажи, что мы закончили.

– Он мне не муж, – отрезала Ольга.

– Формально – муж, – возразил Саша. – Вот когда разведешься – тогда будет не муж. Позвони ему, он наверняка все свое уже собрал, сейчас начнет водку глушить с горя.

– Он водку не пьет, – печально произнесла Ольга. – Он пиво дует ящиками. И в игрушки играет на ноутбуке, как усядется, с одной стороны ноутбук, с другой стороны пиво... Сына тоже приучил...

– Пиво пить? – удивился Саша.

– Нет, в игрушки играть.

– Ну, это не страшно. Так позвони ему, пока не засел.

Ольга взяла телефон и выбрала в адресной книге запись, озаглавленную «Муж». Хмыкнула, выбрала в меню «Редактировать», стерла три неправильные буквы, подавила соблазн вписать вместо них «сволочь» или «козлина» и вписала просто «Костя». И нажала кнопку соединения.

Костя ответил только после восьмого гудка. Голос его звучал так, как будто жена, теперь уже бывшая, отвлекла его от чего-то увлекательного. Небось все-таки уселся за пиво.

– Что случилось? – спросил Костя.

Ольга постаралась, чтобы ее голос звучал спокойно.

– Мы все свое уже собрали, – сказала она. – Ты на даче свои вещи собрал?

Костя замялся.

– Ну... – протянул он, Ольга не стала дожидаться, когда он начнет бормотать свои жалкие оправдания, и спросила:

– Пить уже начал?

– Нет, – ответил Костя.

Судя по голосу, он не врал.

– Так собирайся и выезжай. Мы сейчас на дачу поедem, лучше, чтобы тебя там не было. Или хочешь еще раз с Сашей поговорить?

– Хорошо, сейчас все соберу быстро, – пробормотал Костя. – А ты только по этому поводу звонила?

Ольга начала злиться. Хоть бы извинился за вчерашнее, козел!

– Про сына так и не спросил, – укоряюще бросила она. – Тебе совсем не интересно, как он учиться будет?

Костя ответил после долгой паузы.

– Думаю, у вас с этим Мойшей все уже продумано.

– Он не Мойша, он Саша! – рявкнула Ольга.

– Извини, не расслышал, – спокойно сказал Костя.

Никакого раскаяния в его голосе не слышалось.

Это умение тихо доставать, не повышая голос и говоря вроде бы спокойно и уравновешенно, умение выставять тебя непроходимой, феерической дурой, эта Костина черта бесила Ольгу сильнее всего. Когда они ссорились, он не ругался, он просто надевал на лицо ехидную кривую ухмылочку и тихо глумился над ней, выворачивая наизнанку каждое ее

слово. Она злилась, а он только радовался. Со временем она привыкла к этой манере, научилась не впадать в истерику, а отвечать тем же, но ненавидеть эту мерзкую привычку она не перестала. Странно, что позавчера он не стал издеваться над ней, видно, не сообразил от ошеломления. Она улыбнулась – все-таки она хорошо его достала, пусть ощутит на своей шкуре, каково чувствовать себя дураком. Впрочем, непохоже, что он это ощутил в полной мере.

Ольга отключилась. Едва связь оборвалась, она подумала, что на другом конце несуществующего провода ее бывший муж сейчас задумчиво оглядывает свой мобильник и говорит:

– Слив засчитан.

И начинает гнусно хихикать.

Она потрясла головой, отгоняя непрошеную картину. Положила мобильник на стол, подняла голову и встретилась глазами с Сашей.

– Вы договорились? – спросил Саша.

Ольга рассеянно кивнула.

– Что-то не так?

Ольга пожала плечами.

– Как-то он странно говорил, – сказала она. – Вроде не пил, а вроде...

– Имеет право, – сказал Саша. И вдруг добавил: – Не стоило мне его бить.

Ольга криво усмехнулась, совсем как Костя, когда они ругались.

– А уж ему-то как меня бить не стоило, – сказала она.

Она думала, что Саша сейчас самодовольно улыбнется, но его лицо осталось мрачным.

– Поехали, – сказал он. – Отвезем барахло ко мне и прямо от меня поедem на твою дачу.

Скажи Андрею, пусть собирается. – И неожиданно добавил: – Кстати, я могу возить его в школу, это почти по дороге.

– Не надо, – сказала Ольга. – Уже большой, сам доберется. В четырнадцать-то лет.

Саша удовлетворенно кивнул, и она поняла, что он сам думает так же, но хотел, чтобы эти слова произнесла она. Психолог. Интересно, они там в своем комитете проходят профессиональную психологическую подготовку?

– А чем ты по жизни занимаешься? – спросила она. – Я о тебе так и не знаю почти ничего.

– Все важное ты знаешь, – спокойно ответил Саша. – Служу родине, защищаю общественную безопасность. Полковник, начальник подразделения, скорее оперативник, чем аналитик. Зарплата хорошая. Что еще хочешь узнать? Государственную тайну, извини, не выдам. Профессиональные байки? Их не так много, и непосвященным они не смешны. Хотя кое-что можно рассказать при случае...

– Я не то имела в виду, – сказала Ольга. – То есть не только то. У тебя была семья?

Лицо Саши вдруг стало жестким и даже суровым.

– Не надо об этом, – сказал он. – Это слишком больно.

– Знаю, – кивнула Ольга и коснулась больной щеки.

– Не знаешь, – покачал головой Саша. – И не дай бог тебе узнать, как это иногда бывает.

– Ты поэтому чувствуешь себя виноватым? – догадалась Ольга. – Потому что когда...

Саша взял ее за руку и сказал, глядя в глаза:

– Не надо об этом, прошу. Не портить настроение, оно и так ни к черту.

5

– Детектор в поле зрения, – сообщил Юра. – Вон там, на два часа, одна из тех опор, кажется, вторая от нас.

Чарли понял это минуту назад, ему хватило одного беглого взгляда, брошенного на приборную панель. Но он ничего не стал говорить Юре, пусть парень гордится своими первыми успехами. Не такие уж и большие успехи, надо признать, обычно ребята учатся управляться с приборами намного быстрее. Впрочем, Тимофей, мир его праху, тоже долго врубался, а когда врубился, стал, пожалуй, лучшим бойцом в их группе. Хотя нет, не лучшим, лучшие не гибнут так быстро и так нелепо.

– А что это за зеленая змейка? – спросил Юра.

Чарли провел взглядом по панели. Никакой зеленой змейки. Он начал было открывать рот, чтобы задать ехидный вопрос, как вдруг услышал сзади голос Огурца:

– Командир, у нас проблемы.

Последние три слова были излишними, потому что Огурец сказал не «Чарли», как обычно, а «командир». И в этот момент Чарли понял, что за змейку имел в виду Юра. Огурец немедленно подтвердил эту догадку.

– НЛЮметр показывает активность, – сказал он. – Странно, след помечен как старый, от двенадцати часов до суток. Посадка была вчера вечером.

– Миша! – позвал Чарли. – Когда снимешь основные показания, особо тщательно посмотри служебные журналы. Это первый пропуск цели для новой модели?

– Так точно, – ответил Миша. – Раньше были только ложные тревоги. Эта, кстати, тоже ложная, просто случайно место совпало.

– Твою мать, – констатировал Чарли. – Миша, твоих боссов ждет большая клизма. Я даже боюсь предполагать, насколько она будет большая.

– Ну, пока ничего страшного не случилось, – заметил Миша.

– Дай-то бог, – пробормотал Чарли. Вгляделся в экран навигатора, мысленно спроецировал на него показания НЛЮметра, который Огурец предусмотрительно повернул экраном к командиру, и начал говорить спокойным, уверенным командным голосом: – Так, ребята, слушайте мою команду. Шашлыки обломились, будем работать. Джа, не гони так, поздно уже гнать, времени прошло до хрена, минуты ничего не решают. Сейчас едем к детектору, работаем по плану. А если опасности нет, высаживаем Мишу, он ковыряется с железкой, остальные по следу. Огурец, подключи направленную антенну, попробуй просканировать след подальше.

Огурец виновато кашлянул.

– Что такое? – спросил Чарли.

– Направленная антенна у меня под сиденьем, – сказал Огурец. – Знаю, я раздолбай.

– Расслабились, блин... – прошипел Чарли. – Давно учений не проводили! Будут вам хорошие, годные учения, потом обольетесь, суки, забыли, почему фунт говна.

Джип остановился у опоры ЛЭП, на вершине которой стоит искомый детектор. Приборы не показывали ничего опасного, но ритуал, предусмотренный планом А, был выполнен в полном объеме. И лишь когда Мухтар, сменивший покойного Ингуса, сказал, что опасности нет, а Сева перевел его слова с собачьего на русский, Чарли разрешил Мише остаться. К этому времени Огурец установил-таки направленную антенну и сейчас изучал уточненные показания НЛЮметра. Всем своим видом Огурец выражал максимальную степень усердия, типа то, что я про антенну забыл, это ерунда, я ведь по жизни толковый и исполнительный.

– Что у тебя? – спросил Чарли.

– След тянется вон туда. – Огурец показал пальцем. – Похоже, к реке. Другой конец идет вон туда, в поле.

– Понятно, – сказал Чарли. – Ребята, в машину. Джа, поехали к следу, у следа остановишься. А я пока начальству доложу.

Вообще-то, докладывать начальству полагается немедленно по обнаружении неопознанной энергетики в поле зрения, но если бы Чарли выполнил инструкцию точно, последовал бы резонный вопрос, почему характеристики следа такие неточные. А потом последовала бы ведерная клизма Огурцу, а заодно и Чарли, допустившему подобное разгильдяйство.

Чарли взял мобильный телефон и набрал номер центра. По инструкции полагалось передавать доклад по рации, но так никогда не делали, по мобильнику качество связи намного лучше.

– Центр, я Первый, – сказал Чарли. – Прибыл на место, вижу большой след, очень старый, не менее двенадцати часов. Подключайтесь по прямой связи, снимайте показания приборов.

– Какого черта? – ответил собеседник после долгой паузы. – Почему детектор ничего не обнаружил?

– Потому что инженеров скоро нагнут, – ответил Чарли и добавил: – Критическая неисправность детектора, я полагаю. Мое решение – оценить след вблизи, затем двигаться налево, в холмы.

– Почему налево? – спросил собеседник. – Почти наверняка объект ушел к реке.

– И для преследования потребуется вертолет, – продолжил Чарли его мысль. – А пока он прилетит, мы как раз успеем осмотреть место высадки.

– Согласен, – сказал собеседник. – Действуйте.

Осмотр следа ничего толком не дал. Да, объект с неопознанной энергетикой, да, потенциал очень большой, объект прошел либо вон оттуда вон туда, либо, с той же вероятностью, в противоположном направлении. С какой скоростью он двигался – непонятно. Вроде бы объект одиночный, но уверенности в этом нет. Вообще ни в чем нет уверенности, очень старый след. Ясно лишь, что остаточная активность минимальна, с этой стороны опасности нет, и то хорошо.

– Мухтар взял след, – сообщил Сева.

Чарли перевел взгляд на собаку и увидел, что Мухтар действительно взял след. Но в какую сторону след ведет, Мухтар не понимал и демонстрировал свое непонимание, бросаясь то в одну сторону, то в противоположную и негромко погавкивая.

– Поедем в холмы, – решил Чарли.

Путь в холмы занял всего десять минут – им повезло, что объект двигался по проселочной дороге. Едва джип перевалил первую вершину, сразу стало видно место посадки.

– Твою мать, – только и смог сказать Юра.

Сегодня он видел место посадки впервые, а по первому разу это зрелище весьма впечатляет. Особенно если посадку совершил реально мощный объект, как сейчас. Огромный круг примятой по кругу травы, в центре концентрические окружности, которые не совсем окружности, а искажаются неровностями рельефа, а в самом центре... В принципе там может быть что угодно, а сегодня там был большой камень. Очень большой камень, метра три в диаметре, не меньше. Форма округлая, поверхность на вид гладкая, похож на валун. Только не нужно быть геологом, чтобы понять, что в такой местности валуны не попадают.

– Будет ученым развлечение, – сказал Джа.

Чарли оставил его реплику без внимания.

– Разворачиваемся, едем назад, – приказал он.

Едва джип тронулся, Чарли связался с центром, доложил новые подробности и вызвал вертолет. Диспетчер выразил сомнение, дескать, надо бы сначала проверить, действительно

ли след теряется в воде, и надо еще посмотреть, нельзя ли обойтись без вертолета, может, есть какая-то дорога или, на худой конец, катер вызвать...

– Дело ваше, – сказал Чарли. – Но я рекомендую довериться моему опыту.

Отключился, а затем длинно и витиевато выматерился. Его опыт подсказывал, что вертолета ждать придется долго.

6

– Что случилось? – спросила Инна.

Как обычно, спросила, не открывая рта и не шевеля губами.

– У нас проблема, – сказал Костя. – Скоро здесь будут... неважно. Надо... Черт! Надо тебе одежду подобрать...

Костя не испытывал мук совести, запуская руки в стопку Ольгиных вещей. Этот лысый шкаф Саша, как она говорила, мужик небедный, легко восполнит потери. Да и не заметит она отсутствия пары кофточек и штанишек, подумает, что сама подевала куда-то при переезде.

Трусы взять надо, лифчик Инне не нужен, носков две пары, нет, лучше три, и трусов еще взять... Что еще женщины носят? Футболки, кофточки, штаны спортивные для дома, штаны приличные для улицы, хотя не такие уж они приличные... ничего, сойдет. Женская ветровка только одна, придется оставить. Еще обувь какую-то нужно подобрать... только тапочки, к сожалению. Ничего, потом купим. С деньгами негусто, но добрая фея вряд ли будет требовать от своего кавалера дорогих и модных шмоток. В самом деле, какая же она будет после этого добрая фея?

Одетая Инна выглядела вполне обычной девушкой, таких в метро каждая вторая. В меру симпатичная, но не привлекает особого внимания, если только не заглянешь в ее удивительные зеленые глаза и не поймашь в них отсвет ни на что не похожей улыбки. Но вряд ли она станет так улыбаться всем подряд.

Теперь собственные вещи, это легко. Женщина стала бы аккуратно складывать каждую тряпку, чтобы, не дай бог, ничего не помять, но мужчины относятся к своему бараклу намного проще. Взять мешок почище, покидать туда все скопом – и все, сборы закончены. Кажется, женские трусы затесались... ну и пусть, Инне пригодятся. Хорошо, что добрые феи не стесняются носить чужое белье, иначе возникла бы проблема.

Теперь надо покидать все в машину, хорошо, что у «Зафиры» багажник большой, впрочем, теперь такой багажник больше не потребуется. Возможно, стоит поменять машину на что-нибудь поменьше и не столь семейное, хотя, с другой стороны, какая разница? Не так уж и много она бензина жрет, если сравнить со стартовой ценой.

Однако пора заканчивать. Костя взглянул на часы и понял, что не засек время, когда Ольга ему позвонила. Но можно посмотреть в мобильнике. Ого! Если они выехали сразу после звонка, то сейчас уже подъезжают.

– Поехали, – сказал Костя. – Инна, нам надо быстрее уезжать отсюда.

Инна пытливо посмотрела в глаза Косте и сказала:

– Хорошо, поехали.

И неожиданно добавила:

– Спасибо, что заботишься обо мне.

– Да разве это забота, – отмахнулся Костя. – Ты обо мне куда лучше позаботилась.

Он понял, что почти не чувствует стыда за ту безобразную сцену с Ольгой. Встреча с Инной как бы перечеркнула все, что было раньше, оно перестало быть существенным, теперь у Кости была женщина, которая любит его и которую любит он, а Ольга – так, прошлое. Было-было и прошло, и ну его к чертям.

Инна села на пассажирское сиденье, Костя запер ворота, сел за руль, и они поехали. Играла музыка, Инна молчала, Костя время от времени косился на нее, но не видел в ее глазах никаких особых эмоций. А это странно, если она действительно...

– А ты на самом деле с летающей тарелки? – спросил Костя.

Инна хихикнула.

– Неожиданное определение, – сказала она. – Со стороны, значит, это выглядит так?

– Ну да. А изнутри?

– Извини, но я не могу говорить об этом, – сказала Инна. – Не думай, кто я такая, просто считай, что я твоя новая подруга. И не надо бояться меня, я не хочу ни мозг твой съесть, ни кровь выпить, я вообще никому не хочу причинять зла. Я добрая.

– Верю, – хмыкнул Костя. – А зачем ты пришла на нашу планету?

– «Зачем» – глупое слово, – заявила Инна. – Я просто пришла. У меня нет цели, у меня есть только свойства, как у любого разумного существа. Я встретила тебя и полюбила, что еще тебе нужно?

– Ну, не знаю...

– Я не собираюсь устраивать конец света, – заявила Инна. – Не хочу выведывать тайны, распространять болезни, произносить откровения и пророчества. Я хочу просто жить. Лучше всего – с тобой, но я не настаиваю. Если ты не согласен, останови машину, я выйду, если хочешь, можешь забрать вещи твоей жены.

– Не надо так, – сказал Костя. – Извини, я не хотел тебя обидеть. Просто, знаешь, про вас столько всего рассказывают... Говорят, в общественной безопасности есть специальное управление для борьбы с такими, как ты.

– Не знаю, о чем ты говоришь, – сказала Инна. – Нет никаких «таких, как я». Я уникальна. Не знаю, что про кого рассказывают, да ты и сам толком не знаешь.

Они помолчали. Потом Костя спросил:

– Ты читаешь мои мысли?

Инна кивнула.

– Тебя не пугает, какой я на самом деле?

Инна пожала плечами.

– Ты выглядишь нормальным, – сказала она. – В том числе и изнутри души, у каждого есть недостатки, у каждого есть проблемы, но это обычное дело. Никто не совершенен.

Костя улыбнулся.

– Спасибо, – сказал он. – Хотел бы я заглянуть в твои мысли.

Инна загадочно хмыкнула, Костя немного подумал и решил, что нет, не хотел бы, слишком страшно туда заглядывать. Он протянул руку и положил ее на бедро своей доброй феи. Обычное женское бедро, почти как у Ольги, только потоньше, но оно не принадлежит женщине, это существо явилось... Кто бы мог подумать, что пришельцы реально существуют!

Инна рассмеялась.

– Ты делаешь странные выводы, – произнесла она секунду спустя. – Ты строишь гипотезу, начинаешь ее обдумывать и вскоре забываешь, что это всего лишь гипотеза. Ты строишь сложные умозаключения на такой зыбкой основе...

– Извини, – сказал Костя. – Ты меня немного пугаешь, но это пройдет. Надеюсь, ты не врала, когда обещала не есть мой мозг.

Инна снова рассмеялась.

– Ты забавный, – сказала она. – Я не жалею, что выбрала тебя.

– А ты меня выбрала? – удивился Костя. – Я думал, ты случайно там оказалась.

– В мире нет случайностей, – серьезно сказала Инна.

– В твоём мире?

Инна не ответила на этот вопрос. Костя почувствовал, как зачесалась разбитая скула. Осторожно пощупал кожу и не ощутил никакой боли. Что за черт?

– На дорогу смотри, – сказала Инна, глядя, как Костя выворачивает шею, пытаясь увидеть себя в зеркале заднего вида. – Живает твой синяк, скоро совсем заживет.

– Это ты сделала? – спросил Костя.

– Да, – сказала Инна. – Видишь ли, мое свойство – исполнять желания.

7

До дачи они добрались почти без происшествий. Один раз их остановили менты, Саша сильно превысил скорость, но удостоверение полковника КОБ оказало должное воздействие на гаишников. Это, собственно, даже происшествием трудно назвать, так, мелкое неудобство, к ним Саша давно привык. Бедные обычные люди, тяжело им, наверное, без ксивы с гаишниками разговаривать.

Второе происшествие было тоже ерундовым, но занимательным. Когда они уже свернули с магистрали на второстепенную дорогу, над головой пролетел вертолет. Он летел очень низко, Саша едва успел ухватить краем глаза его образ, и то, что он увидел, его удивило. «Ми-8» в камуфляжной раскраске, без вооружения, но с какой-то непонятной конструкцией на носу, то ли антенна, то ли что-то еще в том же духе.

– Часто у вас такое бывает? – спросил Саша.

Ольга промолчала, зато с заднего сиденья отозвался Андрей.

– Ни разу не видел, – сказал он. – А что это было? Это военный вертолет?

– Похоже на то, – сказал Саша. – «Ми-8», но модификация незнакомая.

Саша ждал, что Андрей спросит что-то еще, например, откуда дядя Саша разбирается в вертолетах, но Андрей ничего не спросил, и Саша решил не форсировать контакт. Это еще успеется, в таких делах главное – не торопиться. Развод родителей – тяжелое потрясение для подростка, особенно когда разводу предшествовала безобразная драка. Нового друга мамы парень считает уродом, так всегда бывает, и самая типичная ошибка мужика, связавшегося с женщиной с ребенком, – пытаться установить контакт с этим ребенком немедленно, не думая о том, готов ли он к контакту. В результате ребенок только утверждает в мысли, что мамин хахаль – урод и мерзавец, и изменить это мнение намного сложнее, чем сразу не дать ему сформироваться. Саша полагал, что у Андрея такого мнения не сложится. Наладить душевный контакт с подростком не так уж и сложно, завербовать агента куда труднее.

– Сейчас направо сворачивай, у знака, – сказала Ольга.

Саша повернул руль и «Гелендваген» свернул с асфальта на проселок, довольно ровный проселок, надо сказать, пятьдесят километров в час легко можно держать.

– Саша, не гони, – попросила Ольга.

Саша послушно убавил газу. Андрей сзади странно хмыкнул, ему-то скорость явно нравится. Надо будет научить его водить, причем желательно в этом году, а не в следующем, на этой машине, а не на новой. Этот сарай уже скоро сыпаться начнет, менять пора.

– Хорошие тут места, – сказал Саша. – Река рядом.

– Да, у нас прямо около дома река, – отозвалась Ольга. – Выходишь за ворота, проходишь два шага и сразу можно купаться, очень здорово. Ой, кто это приехал?

На обочине грунтовой дороги стоял черный «Лендровер Дефендер» с наглухо тонированными стеклами и аркой на крыше, на которой было установлено не менее пяти дополнительных фар, причем крайние, похоже, не просто фары, а фары-искатели, управляемые из салона. А сзади арки торчало нечто, подозрительно смахивающее на антенну.

– Твоя дача которая? – спросил Саша. – Этот джип напротив нее стоит?

– Нет, – ответила Ольга, – наша дача чуть дальше, вон та, с коричневыми стенами.

– Хорошая у вас дачка, – констатировал Саша.

Он не ожидал увидеть здесь нечто подобное. Наверху не убогая мансарда, как обычно, а два полноценных этажа, снизу здоровенный фундамент, сколько там квадратных метров площади? Сто пятьдесят как минимум, если оба этажа считать. А стены не мешало бы покрасить, облупились.

Но сейчас мысли Саши занимала не дача, а чужой джип. Он уже догадывался, что это за машина, и эта догадка его не радовала. Сейчас задний номер покажется из-за кустов и сразу все станет ясно...

Саша досадливо крикнул. Все стало ясно, и это его не порадовало. «Дефендер» принадлежал семнадцатому управлению родной конторы, так называемым охотникам за привидениями.

Он остановил «Гелендваген» напротив ворот, Ольга стала возиться с замком, у «Дефендера» открылась пассажирская дверь, оттуда вышел молодой и поджарый мужчина в камуфляже без знаков различия. Саша тоже вышел из машины и пошел навстречу.

– Майор Чарский, общественная безопасность, семнадцатое управление, – представился мужчина в камуфляже и потянулся к нагрудному карману, сквозь клапан которого угадывался контур удостоверения.

– Полковник Гриднев, двенадцатое управление, – представился Саша. – Ксиву показывать?

Чарский на секунду замялся, потом сказал:

– Покажите уж. Все равно придется в отчет писать.

Саша продемонстрировал служебное удостоверение, Чарский переписал данные, не на бумажку, как менты несчастные, а в КПК, как нормальные люди.

– А что случилось? – спросил Саша. – Опасность есть?

– Нет, – покачал головой Чарский. – Опасности вроде нет.

– Вроде?

– Ну... почти наверняка нет. Если вдруг заметите что-то странное, – майор потянулся было к нарукавному карману, но оборвал движение и закончил фразу: – Да вы и сами знаете, куда обращаться.

– Что значит «что-то странное»? – спросил Саша. – Зеленый человечек с лазерным ружьем?

Чарский поморщился, как будто недавно съел что-то протухшее.

– Нет, зеленых человечков не будет. Активности в районе нет, есть только след. Если вы понимаете, о чем я говорю.

Саша не вполне понимал, о чем говорит собеседник, но на всякий случай кивнул.

– Здесь был объект по вашей части, – сказал Саша. – Потом он куда-то делся, и сейчас вы ищите следы, я правильно понял?

– Все правильно, – согласился Чарский. – Спасибо за сотрудничество, товарищ полковник, я пойду.

– Не за что, – хмыкнул Саша.

Ловко он избавился от случайно подвернувшегося полковника, прямо мастер. Ну да ладно.

Саша вернулся к машине. Ольга уже открыла ворота, теперь она стояла у машины и ждала, когда Саша закончит разговаривать с незнакомым военным.

– Кто это был? – спросила она, когда Саша приблизился. – Что-то случилось?

– Ничего, – отмахнулся Саша. – Коллегу случайно встретил.

– Что они у нас делают? – подозрительно поинтересовалась Ольга.

– Понятия не имею, – сказал Саша. – У нас о таких вещах не принято друг друга спрашивать. Я спросил, нет ли опасности, он говорит, нет. Спросил, нужна ли помощь, он говорит, не нужна. Ну и все, собственно.

– Хорошо, – сказала Ольга, но ее взгляд, направленный на черный «Дефендер», был подозрительным. – Давай загоняй машину, будем сумки в дом заносить. Андрей, тоже давай помогай.

– Машину загонять помогай? – уточнил Андрей.

– Нет, – ответила Ольга. – Сумки заносить.

8

Из окна доносился стук топора – Саша рубил дрова. Удары были разделены долгими паузами, некоторые паузы были короткими, другие – очень долгими, иногда затянувшаяся пауза прерывалась сдавленным бормотанием; походя, Саша тихо матерился себе под нос. Раньше Ольга была уверена, что такой серьезный мужчина обязательно должен уметь делать все, что принято считать мужской работой: рубить дрова, вскапывать грядки, ремонтировать сантехнику... Что-то давно он уже топором не стучит, только бормочет.

Она выглянула в окно. Саша снял рубашку, большой, мускулистый, лысый и с небольшим брюшком, он напоминал Шрека, такой же большой, сильный и добрый.

Сейчас он пытался установить на колоде очередное полено, но оно никак не хотело становиться вертикально, а все время падало. Наконец Саша как-то исхитрился его поставить стоймя, отошел на полшага, перехватил топор двумя руками, размахнулся...

Топор срезал с края полена тонкую щепку, которая улетела далеко в сторону, красиво кувыркаясь в воздухе. Полено тоже кувыркнулось, подпрыгнуло и отлетело. Саша вскрикнул и отскочил назад, сунув ушибленный палец в рот. Топор застрял глубоко в колоде. Саша выпрямился и обвел окрестности злобным взглядом, Ольга отпрянула от окна. Вряд ли он поднимет взгляд до второго этажа, но лучше подстраховаться, незачем раздражать будущего мужа, пусть лучше думает, что его позора никто не видит. Конечно, ничего позорного в неумении колоть дрова нет, но мужчины так серьезно относятся к своим неудачам...

Ольга подошла к другому окну, выходящему на дорогу. Черный джип уехал, сейчас о нем напоминала только пол-литровая банка из-под какого-то напитка, валяющаяся на том месте, где он стоял. Эти военные – просто свиньи какие-то, гадят повсюду, как будто их в детстве мамы ничему не учили. Интересно, зачем они приезжали? У Саши лицо стало такое испуганное, когда он разговаривал с их главным... Ольга потом спросила Сашу, о чем он с ним говорил, но Саша ничего не ответил, просто отмахнулся. Впрочем, видно было, что он не сильно беспокоится, так, чуть-чуть. Ольга видела, что военный о чем-то спросил Сашу и Саша показал ему свое удостоверение. Может, преступник какой-нибудь из тюрьмы убежал, и теперь у всех документы проверяют?

На улице стукнул топор, секундой позже Саша выматерился, негромко, но вполне отчетливо. На первом этаже захихикал Андрей. Надо будет сказать Саше, чтобы сдерживал себя при ребенке, неприлично же. Только не сейчас надо сказать, а попозже, сейчас он слишком злой.

Однако пора заняться делом. Ольга распахнула дверь кладовки и стиснула зубы, подавляя желание выматериться самой. Костя никогда не отличался аккуратностью, а сегодня он превзошел сам себя. Все вещи были разбросаны, аккуратные стопки белья перевернуты и распотрошены, белые Ольгины трусики валялись на полу. Впрочем, нет, уже не белые. Отомстил, сволочь, мелко, но унизительно. Хотя нет, он не мстил, ему просто наплевать, его никогда не волновало, что Ольга думает и чувствует. Он говорил, что любит ее, но это была странная любовь, такая же странная, как и сам Костя.

У них никогда не было ничего общего. Костя – тихий, замкнутый, немногословный, в школе и институте таких ребят называют ботаниками. Сутулый, неспортивный, только очков не хватает для завершенности образа. Очень умный, но умом своим он почти никогда не пользовался. По крайней мере, дома.

В те редкие моменты, когда Ольге удавалось озадачить его какой-то проблемой, он ненадолго задумывался, выдавал решение и снова возвращался к своим компьютерным играм. Или говорил «я подумаю» и утыкался в экран ноутбука. А потом, на следующий день

или через день, неожиданно подходил к ней и объяснял, как решить проблему. И тут же забывал, что сказал, семейные дела его не интересовали.

Поначалу их не связывало ничего, кроме секса. Это была случайная связь, Ольга тогда была в очередной депрессии, а депрессию она предпочитала лечить мужским вниманием. В тот раз ей было особенно тяжело, и она проявила необычную для себя неразборчивость. И неожиданно вышло так, что убогий непривлекательный ботаник оказался лучшим любовником за всю ее жизнь. Правильно говорят, что в тихом омуте черти водятся. Да какие черти...

Их любовь была похожа на непрекращающееся опьянение, после которого не бывает похмелья. Их не связывало ничего, кроме любви, Костя был совсем другим, она никогда не понимала его, она привыкла к нему, научилась его принимать, но не более. Он слушал «Металлику», играл в компьютерные стратегии и постоянно читал научные статьи в Интернете, не столько по делу, сколько для развлечения. Она никогда не понимала, как можно развлекаться, читая научные статьи. У него не было друзей, он не любил шумных вечеринок, даже выпивать он предпочитал в одиночестве, правда, в этом случае он пил только пиво. Поначалу ей казалось странным уходить на вечеринку одной, возвращаться и видеть его уткнувшимся в компьютер, тогда еще не ноутбук, у них тогда был один стационарный компьютер на всю семью. Их связывал только секс, но какой это был секс...

А потом она поняла, что беременна. Она не знала, как это получилось, незащищенного секса у них не было, презервативы не рвались, вообще ничего подобного не было. Но тест показал две полоски, и следующий тест тоже показал две полоски. Она испугалась, она не знала, что делать, она сказала ему, он задумался на несколько секунд и ответил:

– Ну, давай поженимся.

Потом, когда они начали ругаться, она часто припоминала ему эти слова. Но он так и не понял, почему она в тот раз обиделась. Мужчины редко придают значение красивым словам, а такие мужчины, как Костя, не придают им значения никогда.

Они поженились, через полгода родился Андрей. Было тяжело, денег не хватало, выручал Костин отец. Сам Костя, казалось, не обращал внимания на финансовые трудности, он постоянно пропадал на работе, но зарплата от этого не увеличивалась. Ольга подозревала, что он там не столько работает, сколько отдыхает от младенца.

А потом как-то неожиданно получилось, что Костина зарплата выросла в несколько раз, они перестали быть нищелюдами и перешли в средний класс. Андрей вырос, пошел в детский сад, Ольга начала работать, и финансовые проблемы окончательно ушли в прошлое. Они купили большую дачу, нормальную машину вместо убогих «Жигулей», ездили отдыхать в Турцию и Испанию, Ольга сама работала в турфирме, и с качеством отдыха у них проблем не было. А потом Ольга организовала свою фирму, поначалу дела шли туго, но со временем наладились, и они купили квартиру. Надо признать, в основном на Костины деньги, у него гранты пошли один за другим, он стал зарабатывать невероятно много для ученого ботаника, даже не верилось.

Зря она вчера стала его упрекать, он наверняка подумал, что она бросила его из-за денег. Да, гранты кончились, а основной Костиной зарплатой хватало только на квартплату и бензин для машины, но дело было не в этом. Просто настал момент, когда она поняла, что их отношения исчерпали себя, что Костя – пройденный этап.

Прекрасный секс давно перестал быть прекрасным, все приедается, и хороший секс не является исключением. Ольга пробовала искать разнообразия с другими мужчинами, она была уверена, что Костя догадывается, что она ему изменяет, но ему было все равно. Он не раз говорил, что не считает физическую измену изменой, и она не сомневалась, что он говорит правду. Но когда она встретила Сашу, она поняла, что физической изменой дело не ограничится.

С улицы снова донесся голос Саши. Он что-то говорил Андрею, Ольга прислушалась и разобрала:

– Скажи маме, пусть начинает салат резать. Угли уже почти прогорели.

Ольга оглядела кладовку критическим взглядом. Кажется, в первом приближении порядок навела. Несколько вещей не хватает, наверное, завалились куда-нибудь. Ничего, найдутся.

9

– Это что за хрен с горы был? – спросил Джа.

– Некий полковник Гриднев из двенадцатой управы, – ответил Чарли. – У него здесь дача, только что приехал, ничего не видел. Просто случайный свидетель, даже не свидетель, а так, ерунда.

– Хорошо живут в двенадцатой управе, – заметил Джа. – На «Гелике» катается, да и дачка у него немаленькая.

Чарли пожал плечами. Двенадцатое управление работает по крупному бизнесу, было бы странно, если бы они не пользовались этим в своих интересах.

– Поехали, – сказал Чарли. – Сделаем круг почета. Огурец, у тебя есть что-нибудь на приборах?

– Кроме следа, ничего, – ответил Огурец. – Ничего мы здесь не найдем.

Чарли был согласен с товарищем. След был старым, более суток, и если приборы видят его так отчетливо, значит, объект был очень силен, не хотел бы Чарли повстречаться с ним лицом к лицу. Если, конечно, у этого объекта есть лицо. Понятно, что это и есть работа Чарли – вставать на пути неведомой напасти, но лучше заниматься такой работой пореже.

– А кто это был? – спросил Юра.

Чарли не успел ответить, вместо него ответил Джа.

– Анчутка, я думаю, – сказал он. – Очень сильная, но не злая. Наверное, в столице уже.

– Почему анчутка? – удивился Юра.

Джа пожал плечами.

– Не знаю, – сказал он. – Так, интуиция.

– Сейчас, возможно, точно узнаем, – сказал Чарли. – Джа, выезд из поселка – вон там?

– Нет, следующая дорога, параллельная.

– Поворачивай на нее, метров пятьсот едем медленно. Огурец, смотри на приборы внимательно.

Они проехали метров двести, когда Огурец сказал:

– Кажется, ты угадал, командир. Похоже на след.

– Насколько похоже? – уточнил Чарли.

– Непонятно. Сигнал очень слабый, только местами проявляется. Чувствительности не хватает.

– Джа, едем дальше, до развилки на въезде в поселок, – приказал Чарли. – И не торопись. Юра, по сторонам не глазей, на приборы смотри, учись у старших.

Юра обиженно засопел и уткнулся взглядом в НЛОметр, ему пришлось заглядывать через плечо Огурца, смешно вытягивая шею.

– Вот это, что ли, след? – спросил он.

– Угу, – отозвался Огурец.

– Какой же это след? – удивился Юра. – Просто точки мерцающие.

Чарли удовлетворенно хмыкнул. Все правильно, Огурец не ошибся, это действительно старый, распадающийся, едва заметный след. На дублирующем командирском дисплее не видно вообще ничего, Чарли даже начал подозревать, что Огурец принимает желаемое за действительное. Но нет, все правильно он углядел, молодец.

Анчутка, значит. Не так уж и плохо, на самом деле. Анчутка – тварь знакомая и по сравнению с другими пришельцами неплохо изученная. Обычно она не таит в себе явной опасности, первой не нападает, а защищаясь, редко переходит в контратаку. Если ее не трогать, все будет хорошо, да даже если трогать, человеческие гопники-наркоманы намного опаснее. Согласно секретным сводкам, в столице сейчас обитает от десяти до пятидесяти анчу-

ток, одной больше, одной меньше – несущественно. Впрочем, то, что здесь прошла именно анчутка, – это пока только предположение, оно не объясняет, например, необычно большую яркость первичного следа.

– А может, это дракон был? – спросил Юра.

Джа глумливо хихикнул.

– Ага, дракон, – сказал он. – Полкилометра шел пешком, потом сплавлялся по реке, потом колобродил по поселку не меньше часа, а потом вспомнил, что летать умеет. Так получается?

– А может, русалка? – предположил Юра.

Джа промолчал, высказываться пришлось Чарли.

– Может, и русалка, – сказал он. – Но эта русалка смогла уговорить человека посадить ее в машину и увезти в город.

– А с чего вы взяли, что она на машине уехала? – удивился Юра.

Джа раздосадованно крикнул. Чарли повернул голову и увидел, что Сева делает фейспалм. Только Огурец никак не отреагировал на произнесенную глупость, он не отрывал глаз от НЛОметра.

– Учите матчасть, юноша, – сказал Чарли.

Немного помолчал и добавил, уже серьезно:

– Юра, а ты уверен, что хочешь с нами работать?

Юра обиженно надул губы.

– Я бы дал ему еще один шанс, – сказал Джа. – Поначалу все тупят.

Чарли задумчиво кивнул. Интуиция подсказывала ему, что Юру пора гнать из группы, хорошего бойца из него не получится. С другой стороны, у Джа интуиция работает не хуже, а может, даже лучше.

– Хорошо, – сказал Чарли. – В следующую смену пересдашь зачет по пришельцам, классификация, повадки и все прочее. В понедельник рекомендую посетить библиотеку, тебе надо подготовиться. Если, конечно, ты хочешь с нами работать.

Юра печально вздохнул. Работать с Чарли ему хотелось, а вот проводить законный выходной в секретной библиотеке, а потом сразу, не отдохнув, заступать в смену – этого ему совсем не хотелось. Интересно, чем его так привлекает полевая работа? Чарли пока не понимал мотивации этого парня. Попросить, что ли, психолога в группу... Нет, смысла нет, психолога не дадут, просто устроят парню перевод – раз вызывает сомнения, так и ну его на фиг, и не нужно никакого психолога. У начальства логика простая и в чем-то справедливая, в этом им не откажешь.

– И вот что еще, – сказал Чарли. – Когда пьешь квас, пустую банку в окно выбрасывать не надо.

– Извините, – пробормотал Юра.

– Извиняться не за что, – сказал Чарли. – Так делают многие, это не преступление и даже не проступок, но так делать не надо. Потому что окружающие могут подумать, что ты не умеешь соблюдать правила приличия, а значит, глуп. А ты ведь не хочешь, чтобы тебя считали глупым?

Юра надулся и ничего не ответил. Чарли решил, что воспитательной работы на сегодня достаточно.

– Огурец, как оно там? – спросил он. – След еще не оборвался?

– Юра, след не оборвался? – переадресовал вопрос Огурец.

Юра обиженно засопел, Чарли не требовалось оборачиваться, чтобы почувствовать, как Юра краснеет.

– Огурец, – повторил Чарли.

– Ничего не вижу, – сказал Огурец. – Уже метров триста ничего не вижу.

– Джа, на развилке разворачиваемся, – приказал Чарли. – Возвращаемся в поселок, на всякий случай проверяем периметр, потом останавливаемся и докладываем начальству.

10

Возвращаться с дачи в неурочное время – одно удовольствие. Никаких пробок, едешь себе и едешь, следишь не за тем, как бы не уткнуться в медленный ряд, а за тем, как бы не превысить скорость слишком сильно. Лишних денег сейчас нет, до зарплаты бы дотянуть... Да и зарплата, честно говоря, не сильно поможет. Денис говорит, скоро дадут новый грант, но Денис каждый раз так говорит, а грант дают далеко не каждый раз. Пожалуй, сегодня скорость лучше вообще не превышать.

Костя отпустил педаль газа и включил правый поворотник. Тише едешь – дальше будешь, поедем-ка мы потихоньку вот за этим грузовичком.

– Глупое правило, – неожиданно подавала голос Инна.

Ну, то есть не подавала голос, рот она не раскрывала, просто высказала мысль вслух.

– Что? – переспросил Костя.

– Глупое правило, – повторила Инна. – Наша скорость много ниже предела, за которым ехать становится реально опасно. Очень глупо заставлять водителей ездить так медленно. Почему это правило не отменяют?

Костя пожал плечами.

– У нас, людей, много глупых правил, – сказал он. – А у вас не так?

– У нас по-другому, – сказала Инна. – Но у вас даже интереснее. Не бойся, возвращайся в левый ряд, никто тебя не остановит.

– Потому что ты исполняешь желания? – спросил Костя.

– Ага, – сказала Инна. – Это совсем простое желание, его легко исполнить.

– А денег можешь достать? – спросил Костя.

Начиная задавать этот вопрос, он думал, что шутит, но вопрос прозвучал серьезно, даже слишком серьезно.

– Наверное, – сказала Инна. – Но это сложнее, это быстро не делается. Но я попробую. Как приготовлю, скажу.

– Что приготовишь? – не понял Костя.

– Исполнение, – ответила Инна.

Костя бросил на нее беглый взгляд и с удивлением обнаружил, что теперь ее губы шевелятся, когда она говорит. И голос у нее стал более живой, с естественными интонациями и совсем без акцента, не так, как когда она впервые назвала свое имя. Собственно, «Идинна» – это была весьма приблизительная транскрипция.

– Я учусь, – сказала Инна. – Я должна выглядеть как человек, так проще и тебе, и мне. Я очень быстро учусь.

– Я заметил, – сказал Костя. – А ты исполняешь все желания?

– Все, какие могу. Если они не противоречат моим собственным. Но собственные желания редко появляются, хотя... Останови вон там, около деревьев, мне экологическая стоянка нужна.

Костя непроизвольно вздрогнул. Он так давно не употреблял это выражение, он думал, что оно давно выветрилось из его памяти, а она так легко его извлекла...

– Не бойся меня, – сказала Инна. – Я не злая и не опасная, а пользы от меня много.

Костя остановил машину в указанном месте, Инна скрылась в кустах, и Косте подумалось вдруг, что она ушла навсегда, ее вообще никогда не было, это просто галлюцинация, он сходит с ума, это называется, кажется, реактивный психоз, когда мозг не выдерживает эмоционального перенапряжения, начинает создавать себе успокаивающие галлюцинации...

Нет, она вернулась. Вышла из-за кустов, подтягивая штаны на ходу типично мужским жестом, поймала его взгляд, хихикнула и убрала руки за спину. Села в машину, пристегнулась и сказала:

– Я быстро учусь. Еще несколько дней, и подобных ошибок не будет. Очень трудно сразу разобраться в твоей памяти, там так много всего...

– Большая помойка, – кивнул Костя. – Не противно в ней копаться?

– Нет, наоборот, очень интересно. А тебе это неприятно?

Костя пожал плечами.

– Это странно, – сказал он.

– Просто ты еще не привык ко мне. Ты воспринимаешь меня как забавное приключение, ты даже подумал недавно, что я – твоя галлюцинация.

– А кто ты на самом деле? – спросил Костя. – Расскажи мне о своей планете или откуда там ты пришла.

Инна молчала очень долго, Костя подумал, что она так и не ответит, но она все же ответила.

– Не могу, – сказала она.

Прочитала его мысль, улыбнулась и добавила:

– Нет, никто мне не запрещает, я просто слов подобрать не могу. Даже не слов, а... Это слишком чуждо.

– Ладно, проехали, – сказал Костя. – А зачем ты явилась на Землю? И почему выбрала меня?

– Это очень просто. – Инна снова улыбнулась. – Ты пожелал, чтобы я появилась, и я появилась. Это было очень сильное желание, такое желание приятно исполнять. И телу тоже очень понравилось.

Костя помолчал, обдумывая следующий вопрос. Задавать его было как-то неловко, но...

– Пока не планирую, – ответила Инна, не дожидаясь, когда он соберется с духом. – Ты мне симпатичен, и тебе нужна помощь. В ближайшее время я тебя не покину, а там посмотрим.

– А если ты встретишь человека, которому помощь нужна еще сильнее? – спросил Костя. – Бомжа какого-нибудь больного, например.

– Бомж не будет мне симпатичен, – заявила Инна. – Мне кажется, я уйду от тебя, когда ты начнешь меня бояться. Но я не уверена в этом, предсказания будущего – не самая сильная моя черта.

– Так ты еще и будущее предсказывать умеешь... – пробормотал Костя себе под нос.

Инна озорно хихикнула.

– Чуть-чуть умею, – сказала она. – Например, могу предсказать, чем мы займемся, когда приедем к тебе домой.

Костя смутился. Он в принципе не против, но...

– Не бойся, ты сильнее, чем думаешь, – сказала Инна. – Ты совсем не стареешь, так только кажется. В таких делах очень многое зависит от женщины, а когда женщина чувствует все желания напрямую...

В этот момент Костя понял, что именно показалось ему таким волшебным в сексе с пришлицей. Она все время понимала, чего он хочет, она предугадывала его желания и исполняла их в тот же момент, не дожидаясь, когда он выскажет их вслух. Костя всегда любил, когда партнеры понимают друг друга без слов, вот Ольга поначалу...

– Кстати, – сказала Инна. – Где... А, поняла.

Она открыла бардачок и вытащила оттуда гелевую ручку, которую Костя возил с собой на случай, если случится авария и придется заполнять бланк ОСАГО. Порылась в сидюках

и вытащила лист А4, на одной стороне у него было что-то напечатано, кажется, устаревшая таблица гаишных штрафов. Надо бы, кстати, новую таблицу распечатать на всякий случай.

Инна положила лист на торпеду чистой стороной вверх и начала что-то писать. Движения ее пальцев были неуверенны, она явно писала первый раз в жизни. Кажется, она пишет печатными буквами... Да, точно, печатными, причем латинскими.

– На дорогу смотри, – сказала Инна. – Сейчас допишу, тогда прочитаешь.

Они остановились на светофоре, Инна дала Косте бумагу, тот прочитал.

– Что это такое? – спросил он.

– Тебе лучше знать, – ответила Инна. – Это твоё желание, не мое.

– Это формула белка, – сказал Костя. – Какой-то простой пептид, типа окситоцина. Начало правильное, запрещенных комбинаций нет... Трёхмерная структура на первый взгляд не безумна, белок как белок. Стоп! Неужели это?..

– Может, и так, – сказала Инна. – Приедем домой, проверишь.

Глава вторая Лекарство

1

Инна была права, она действительно не слишком хорошо умеет предсказывать будущее. Они приехали домой, Костя затащил в квартиру сумки с барахлом, отогнал машину в гараж, купил пельменей, сварил, они поели. А потом получилось так, что они отправились вовсе не в постель, Инна уселась перед телевизором и с неподдельным интересом стала смотреть новости, а Костя полез в Интернет.

Запустив браузер, он сразу открыл новое окно, а все старые, с почтой, башоргом и любимыми блогами свернул, чтобы не мешали. Он подключился к базе «Человеческий геном». Быстро нашел нужную страницу и вбил в форму ввода формулу, которую написала Инна.

Ответ пришел почти мгновенно, и этот ответ был обескураживающим. Такой белок науке неизвестен. Может, Инна ошиблась?

Костя попробовал поменять в цепочке одну аминокислоту, потом еще одну... Нет, так можно долго возиться. Даже если считать, что ошибка только одна, для того чтобы ее исправить, потребуется... более тысячи попыток. Нет, это несерьезно.

А если вбить не всю цепочку, а только половину? Отличная идея! Если ошибка во второй половине, то запрос, в который включена первая половина, сразу выдаст нужный результат. Ну-ка... нет, не получилось. Теперь вторая половина... Опять не получается.

Можно еще попробовать поискать этот белок в мышинном геноме, а точнее, не в самом геноме, а в списке белков, которые кодируются известными генами. Вряд ли, конечно, что-то получится... Да, не получилось. А если только первую половину? Ого!

Поиск дал два совпадения. Первое было явно случайным, а второе – это не просто совпадение, второй белок отличался от искомого в одной-единственной аминокислоте. Костя прикинул в уме трехмерную структуру, для коротких белков она легко строится... Похоже, отличие нефункциональное, просто наследие ста миллионов лет параллельной эволюции. Странно, что отличие только одно. Впрочем, короткие белки почти не меняются с течением эволюции, обычно они слишком важны для организма, чтобы с ними экспериментировать.

Ну-ка, посмотрим, что это за белок, кто его кодирует. Название гена – непроизносимая комбинация букв и цифр, экспрессируется... гм... условия экспрессии неизвестны. То ли этот ген не сработал ни в одном из миллионов проведенных экспериментов, то ли он то работает, то нет, а почему – непонятно. Или этот вопрос вообще толком не изучался, потому что он никому не интересен, генов намного больше, чем сил и времени у ученых-генетиков. Посмотрим, что еще про этот ген написано... Сплайсинг задействован по полной программе, интронов внутри гена аж целых шесть штук, а искомый белок образуется, если из семи экзонов гена задействован только один. Понятно.

А интересно, нет ли в человеческом геноме гена с таким же названием? Да, действительно есть. Условия экспрессии опять-таки неизвестны, но есть корреляционные выкладки... мутные очень, вообще ничего не понятно. Структура гена – шесть экзонов, пять интронов... Сколько-сколько?

Через минуту все стало ясно. Тот ученый, который описывал человеческую версию этого гена, просто не заметил маленький кодирующий участок, решил, что это часть интрона. А другой ученый, тот, который работал с мышами, все заметил. Надо было с самого

начала искать в базе не белок, а последовательность нуклеотидов. Впрочем, не все аминокислоты в этом белке кодируются типичными триплетами, не нашлось бы в таком поиске ничего похожего.

Итак, есть некий ген, при непонятно каких условиях он экспрессируется, и тогда клетка начинает вырабатывать какой-то белок. Какой именно белок она будет вырабатывать – зависит от того, какие именно условия выполнены в этот раз. Одна из комбинаций приводит к выработке того белка, формулу которого написала Инна, а что это за белок – современная наука не имеет понятия. И не потому, что в этом сложно разобраться, просто этим вопросом никто всерьез не занимался.

Последние три гранта, в которых участвовал Костя, были связаны с поиском лекарства от рака. Точнее, не только от рака, а от всех злокачественных новообразований, или хотя бы каких-нибудь, кроме мальтимфомы, которая и так надежно лечится. Костя проверял эпигенетическую гипотезу происхождения рака, в последнее время она стала одной из самых популярных.

Ученые давно обратили внимание, что свежезачатый эмбрион млекопитающего удивительно похож на молодую раковую опухоль. Бесформенный комочек слизи, усваивающий любые доступные питательные вещества и использующий их почти исключительно для роста и деления клеток. Лишь небольшую долю ресурсов эмбрион тратит на выделение вовне сигнальных веществ, стимулирующих рост кровеносных сосудов и убивающих клетки эпителия матери. Когда эмбрион прикрепляется к стенке матки, он ведет себя точь-в-точь как молодой метастаз. Растворяет эпителий, врастает внутрь, обрастает капиллярами и растет, растет...

Но эмбрион живет в таком режиме совсем недолго, всего несколько дней. А потом происходит что-то непонятное, и неукротимый рост эмбриона прекращается, его клетки начинают специализироваться, а в искалеченной стенке матки формируется зачаток плаценты. Очевидно, срабатывает какой-то ген, который отключает программу злокачественного роста и запускает следующую за ней программу развития.

Гипотеза, которую проверял Костя, предполагала, что раковая опухоль возникает тогда, когда в какой-то клетке случайно срабатывает давно уснувший ген, который в первые дни после зачатия отвечал за рост микроскопического эмбриона. Клетка вспоминает своего далекого предка и начинает неукротимо делиться и подавать наружу сигналы, типа, я голодаю, мне нужно больше питания, а вы, дорогие соседи, умрите, пожалуйста, вы больше не нужны организму. Другие клетки реагируют на эти сигналы, клетка получает питание по высшему разряду, а ее соседи один за другим погибают, отдавая ресурсы молодой опухоли. Она растет, удваивая свой объем каждый месяц, а иногда и быстрее. Проходит года полтора-два, и опухоль видна уже на рентгене, а еще через полгода наступает смерть. Иногда иммунная система успевает поднять тревогу и вовремя убить клетки, возмнившие себя эмбрионом, а иногда нет, и тогда они убивают организм, а заодно и себя. Хорошо, что у людей нет тканевой совместимости в пределах вида и рак не заразен.

Цель работы, которой занимался Костя, заключалась в том, чтобы найти тот самый ген, который должен превращать эмбрион из молодой раковой опухоли в нечто похожее на миниатюрный организм примитивного животного. А точнее, не ген, а белок, который вырабатывается этим геном, ведь если ввести его в организм больного, этот белок остановит работу раковых генов, а может, и запустит процесс дифференциации в клетках опухоли. И тогда в худшем случае она превратится в безобидный комочек слизи, а в лучшем – на ее месте снова сформируются те органы и ткани, которые она недавно уничтожила. Возможны, конечно, всякие сюрпризы, но наиболее вероятные сценарии – именно эти два. Долговременный побочный эффект просматривается только один – из организма вынесет все ство-

ловые клетки, это, по идее, должно ускорить старение, но когда больному осталось жить полгода, на это наплевать.

К сожалению, двухлетняя работа не принесла существенных результатов, деньги она принесла хорошие, но научных результатов почти не было. Проверили пару сотен генов, добавили на карту генетических взаимосвязей штук пятьдесят новых линий, чуть лучше стали представлять биохимию мышиноного эмбриона, но и все. Слишком много генов у млекопитающих, и слишком мало современная наука о них знает. До гена, о котором Костя сейчас читал, они не добрались, даже близко к нему не подошли. Можно сейчас попробовать рассчитать, сколько времени заняло бы продвижение к цели, если работать теми же темпами.

Нет, нечего маяться дурью. Надо завтра синтезировать этот белок, вколоть десяти онкологическим мышам и посмотреть, что получится. И быть готовым к тому, что не получится ничего, добрые феи тоже могут ошибаться.

2

Ольга услышала, как во входной двери поворачивается ключ. Секундой позже дверь открылась.

– Мама, ты дома? – донесся из прихожей голос Андрея.

– Дома, – отозвалась Ольга.

Она отметила, что Андрей впервые назвал домом Сашину квартиру. Это хороший признак, она боялась, сын будет дольше привыкать. Развод родителей – большая психологическая травма для ребенка, когда Ольгина мама бросила Ольгиного папу, Ольга злилась, плакала, устраивала истерики, стала хуже учиться... А ведь она никуда не переезжала, ей не приходилось ездить в школу на метро. А Андрей принял изменения в своей жизни очень легко, как будто вообще ничего не случилось. Как бы не вышло, что это затишье перед бурей...

– Саша дома? – спросил Андрей.

– Нет, работает, – ответила Ольга. – Он говорил, поздно придет, у него там какие-то проблемы с начальником. Кстати, не Саша, а дядя Саша или Александр Петрович. К взрослым надо обращаться уважительно.

– Как скажете, маменька, – отозвался Андрей.

У Ольги зануло сердце. Это было так похоже на обычную манеру Кости реагировать на заслуженные замечания... Почему дети берут от отцов только самое худшее?

– Не ершишься, – сказала Ольга. – Обед на столе, поставь в микроволновку, разогрей.

– Хорошо, разогрею, – сказал Андрей. – Знаете, маменька, а Александр Петрович мне сказал, что я могу называть его просто Саша и обращаться на «ты». Не надо, говорит, устраивать церемонии на пустом месте.

«Церемонии» – это одно из любимых Сашиных слов-паразитов. Еще он любит говорить «шаманство» к месту и не к месту.

Хлопнула дверца шкафчика для обуви.

– Пойду на кухню пошаманю, – провозгласил Андрей.

– Переоденься сначала!

– Конечно, маменька.

Ольга вздохнула. Нет, не легко принял Андрей изменения в своей жизни. Теперь будет до самого вечера называть ее маменькой, и ругаться с ним бесполезно. Будет складывать губы в кривой улыбочке, как Костя, и отвечать так же ехидно.

Запищала микроволновка. Ольга выключила телевизор и пошла на кухню. Посидит с сыном, попьет кофе, ребенок не должен чувствовать себя брошенным.

– Как дела в школе? – спросила Ольга.

– Когда я ем, я глух и нем, – ответил Андрей и добавил после секундной паузы: – Маменька.

Ольга снова вздохнула.

– Извини, – сказала она. – Я сказала глупость. Не трави меня, пожалуйста, мне и так плохо.

«Не трави» – это была любимая присказка Кости. Не стоило сейчас так говорить.

Андрей ничего не ответил, только пожал плечами.

– Как дела в школе? – спросила Ольга.

– Нормально, – ответил Андрей.

– Хочешь, куда-нибудь съездим?

– А что, Саша тебе разрешает на его машине ездить? – удивился Андрей.

Ольга нахмурилась. Костя разрешал, а с Сашей они просто пока не говорили об этом. Да она и сама боялась садиться в его «Гелендваген», страшно дорогая машина, и эти непонятные кнопочки и рычажки, о назначении которых она хотела его спросить, но так и не спросила... Ольга просто забыла, что Костина машина осталась у Кости, очень трудно привыкнуть к тому, что в жизни изменилось почти все.

– Нет, я лучше дома посижу, – сказал Андрей. – Отдохну немного.

– Опять будешь в компьютер играть? – спросила Ольга.

Андрей молча кивнул.

– Занялся бы лучше спортом каким-нибудь, – сказала Ольга. – Опять будет тройка по физкультуре в четверти. Настоящий мужчина должен быть сильным.

Андрей поднял голову, бросил быстрый взгляд на лицо матери, странно хмыкнул и отвел взгляд. Ольга почувствовала, что краснеет. И еще она почувствовала, что начинает злиться.

– Я серьезно говорю, – сказала она. – Будешь хлюпиком – никто тебя не будет ни уважать, ни любить.

– Как ты папу? – серьезно спросил Андрей.

Ольга не сразу смогла подобрать нужные слова.

– Нет, не в этом дело, – сказала она наконец. – Просто... Нет, это слишком сложно, ты не поймешь.

– Конечно, не пойму, – кивнул Андрей. – Потому что маленький и глупый. А когда вырасту, у меня будут свои дети, они будут относиться ко мне так же, как я к тебе, и тогда я все пойму. А до тех пор – не пойму.

– Не надо меня злить, – заявила Ольга. – Мне очень плохо, очень тяжело, а ты...

Лицо Андрея вдруг стало холодным и жестким. Так выглядело лицо Кости, когда он злился по-настоящему, на грани потери контроля над собой. Очень редко это бывало, примерно раз в год, а окончательно потерял контроль он только один раз, и этот раз стал последним.

– Конечно, тяжело, – сказал Андрей. – Надо думать перед тем, как мужу рога наставлять. Я бы на его месте тоже тебя ударил.

Ольга открыла рот, попыталась глубоко вдохнуть, но горло перехватило. Она понимала, что должна что-то сказать, но не могла подобрать слов. Она вообще не могла говорить.

– Ну, так убирайся к своему отцу! – прошипела она, когда дар речи вернулся к ней. – Я тебя не держу!

– В субботу или воскресенье я к нему съезжу, – сказал Андрей. – Может, и насовсем переберусь к нему, не знаю. А это правда, что у него сейчас проблемы с деньгами?

– Откуда ты знаешь? – удивилась Ольга.

Они с Костей никогда не обсуждали при сыне финансовые проблемы – Костя стеснялся, а Ольга относилась к этому с пониманием. Тогда они еще понимали друг друга...

– Мы вчера с Сашей играли в кваку против друг друга, – сказал Андрей, – он меня убил три раза подряд, я говорю типа, ну ты меня достал, а он спрашивает типа, я тебя только в игре достал или по жизни?

– И что ты ответил? – спросила Ольга.

– Да ничего... Поговорили так душевно. Он вроде неплохой мужик. Я ему сказал, дескать, может, к отцу перееду, а он говорит, решай сам, только лучше не надо. Потому что у отца сейчас очень мало денег, он меня не прокормит, а просить у тебя постесняется.

– А Саша-то откуда знает про Костю и деньги? – удивилась Ольга.

– Ну, ты, мама, даешь, – хмыкнул Андрей. – Он же из КОБ, пробил по своим каналам, ему это несложно. Я бы на его месте обязательно разузнал бы все про тебя и про папу.

– Что еще Саша тебе рассказал? – спросила Ольга. – Про то, как...

Она хотела спросить про ту безобразную драку на кухне, но язык отказался повиноваться, она просто физически не смогла задать вопрос. Но сын понял и так.

– Про это ничего не рассказывал, – ответил Андрей. – Я его стал подкалывать, типа я что, слишком маленький, а он посмотрел на меня так серьезно и говорит, типа, нет, это я слишком маленький. А потом сказал, что ему стыдно. Я вот думаю, неужели это он тебя?

Ольга покачала головой.

– А тогда чего ему стыдно? – удивился Андрей. – Погоди... Папа что, с ним тоже подрался?

Ольга встала из-за стола.

– Достаточно, – сказала она. – Не хочу больше обсуждать эту тему.

Она вышла из кухни и подумала, что уходить от разговора с сыном, задающим серьезные вопросы, – все равно что расписаться в собственной неполноценности как матери. Но она не могла продолжать этот разговор, Андрей так похож на Костю, а это так больно – видеть на месте сына бывшего мужа, которого ты собралась выбросить из жизни, потому что он тебя непрослительно оскорбил, но ты смотришь на сына, видишь в его глазах взгляд мужа и понимаешь, что он был не таким уж плохим человеком, и ты, в общем-то, заслужила ту пощечину... Нет, так думать нельзя, так недолго до того, чтобы перестать уважать саму себя. Нет, не надо таких разговоров. Особенно сейчас, когда душевные травмы еще не зажили. Да и не только душевные.

Она посмотрела в зеркало. Синяк и не думал уменьшаться, с каждым днем он становится все больше, ярче и контрастнее. С таким украшением в офисе появляться стыдно. Бизнес пока идет своим чередом, но без личного присутствия хозяйки дела на фирме неизбежно портятся. Пока она руководит делами по телефону, но долго так продолжаться не может. Она надеялась, что синяк рассосется за два-три дня, но, похоже, придется устроить сотрудникам бесплатное представление... Как же тяжело...

3

Вечером Костя с Инной вышли прогуляться в лес. Костя взял себе пиво и орешки, а Инне пакетик семечек – пить алкоголь она упорно отказывалась. Они уселись на скамеечке неподалеку от детской площадки, не на самой площадке, а чуть в стороне. Костя открыл пиво и помог Инне открыть семечки.

– Вкусно, – сказала она. – Забавно, это как ритуал, сидишь, грызешь семечки, как будто чем-то занята, и в разговоре не возникают неловкие паузы.

– У нас, людей, много разных ритуалов, – сказал Костя.

– Это точно, – кивнула Инна. – Как у тебя дела на работе?

Костя хихикнул и сказал:

– Это тоже ритуальный вопрос. Ты можешь все прочитать прямо у меня в голове.

– Могу, но не хочу, – сказала Инна. – Мне кажется, в этом ритуале есть смысл. Когда близкие люди разговаривают, они еще больше сближаются. Я специально не стала читать эти твои мысли, мне хочется, чтобы ты сам все рассказал. Ты уже проверил ту формулу?

– Начал проверять, – сказал Костя. – Синтезировал препарат, рассчитал дозу, вколол десяти мышам. У них у всех рак, им жить осталось неделю, может, две. Посмотрим, что получится.

– Если они вылечатся, это лекарство можно будет проверить на людях? – спросила Инна. – А если люди начнут выздоравливать, ты получишь много денег и всемирную славу? Я правильно понимаю?

– Все правильно, – согласился Костя. – Только это будет долгий процесс, несколько лет как минимум. Но я не тороплюсь, если все получится, это будет великолепно, я о таком никогда не мечтал. Ну, то есть мечтал, но не всерьез, на такую удачу нельзя всерьез рассчитывать.

Инна кивнула и ничего не ответила. Некоторое время они сидели и молчали. Это было легко и приятно – сидеть рядом с женщиной, которая понимает тебя до самого дна души, которая принимает тебя со всеми недостатками и которой приятно быть рядом с тобой. И неважно, что эта женщина – не человек.

Мимо прошел мужчина с собакой на поводке, крупная у него собака, что-то бойцовое. Поводок был натянут, собака перла вперед, хозяин едва удерживал пса. Инна проводила эту парочку задумчивым взглядом и вдруг, когда они отошли метров на пятнадцать, пес неожиданно остановился, уселся на задницу, вывалил язык и стал озираться по сторонам с видом крайнего изумления. Хозяин подошел к нему, наклонился, потрепал по голове, что-то сказал, пес встал, лизнул руку и они пошли дальше, на этот раз поводок не был натянут, собака больше не рвалась вперед, она шла рядом с хозяином, как бы выполняя команду «к ноге».

– Тяжело быть глупым, – сказала Инна. – Некоторые существа страдают от невозможности исполнить желание, а нужно всего лишь отказаться от него, потому что оно нелепо, но чтобы понять, что оно нелепо, надо быть умнее. Вот еще один.

К ним приближался худощавый молодой человек с длинными русыми волосами, стянутыми резинкой в хвост на затылке. Парень как парень, ничего особенного. Прошел мимо, вдруг остановился и тоже стал озираться, точь-в-точь как тот пес. Встретился глазами с Костей, отвел взгляд и пошел дальше, но теперь он шел не быстро и целеустремленно, а медленно и неуверенно. Неожиданно остановился, всплеснул руками, что-то пробормотал, свернул с тропинки и исчез в лесу.

– А с ним что не так? – спросил Костя. – И что ты с ним сделала?

– Он наркоман, – объяснила Инна. – Он хотел слезть с иглы, а я объяснила ему, как это сделать.

– И как?

– Очень просто. Как у вас говорят, Капитан Очевидность подсказал. Программа детоксикации, снятие ломки лекарствами, все как обычно, ничего умного тут не нужно, нужно только одно – не позволить болезни снова подчинить себе мозг, нужен внутренний стержень, убежденность, что ты справишься с собой. Я дала ему эту убежденность.

Только сейчас Костя сообразил, что тот парень был в рубашке с длинными рукавами, несмотря на жару.

– Вот так ты и исполняешь желания? – спросил Костя. – А ты исполняешь желания всех, кого встречаешь?

– Это происходит по-разному, – сказала Инна. – Иногда так, иногда иначе. А что касается всех – не всех, это тоже по-разному бывает. Я люблю исполнять желания, это мое свойство, а проявлять свое свойство всегда приятно. Вот смотри.

Она указала пальцем в траву, и Костя увидел крупного жука, куда-то неторопливо ползущего. Жук стал перебираться через упавшую веточку, покачнул ее, веточка сместилась и сдвинула лист, под которым обнаружилось нечто округлое и коричневое. Жук резко изменил направление и полез на эту неаппетитную кучку.

– Теперь она сможет отложить яйца, – сказала Инна.

– Она? – переспросил Костя.

– Это самка, – пояснила Инна.

Костя отхлебнул пива и закусил парой орешков. Инна щелкнула очередной семечкой.

– И не тяжело так? – спросил Костя.

– Ничего тяжелого, – ответила Инна. – Это не требует усилий, это же свойство. О, смотри, какой интересный экземпляр.

К ним приближались две пожилые женщины, они тихо обсуждали что-то связанное с внуками и пенсиями. Вдруг одна из них остановилась, на ее лице появилось все то же удивленное выражение, как у пса и у наркомана.

– Знаешь, Маша, что я сейчас подумала, – сказала она, прервав словесные излияния подруги. – Вот представь себе, допустим, Волчка стали подкармливать не только мы с тобой, а, скажем, сто человек?

Теперь и у второй старушки физиономия стала удивленной.

– Никогда такого не будет, – заявила она. – Люди жадные и злые, вот, например, у меня случай был...

– Подожди, Маша, – прервала ее первая старушка. – Ты просто представь себе, что Волчок всегда ест вдоволь. И все другие собаки в его стае тоже едят вдоволь. А когда рождаются щенки, они все вырастают здоровыми и сытыми.

– Ох, Нина, – сказала Маша. – Твоими бы устами да мед пить.

– А когда щенки вырастают, у них тоже рождаются щенки, – продолжала Нина. – И собак в стае становится все больше и больше. Еды перестает хватать, собак разводится столько, что даже сто человек их не прокормят. И собаки снова голодные и несчастные. Было пять несчастных собак, а стало пятьдесят. Понимаешь, Маша? Чем больше мы их кормим, тем больше несчастных животных становится.

Маша негодуя фыркнула.

– Получается, мы им вред приносим? – спросила она.

– Конечно, – ответила Нина. – Мы себя обманываем, мы не для них это делаем, а для себя, гордыня это и фарисейство. Грех это. Лучше не собак голодных кормить, а...

Старушка Нина вдруг замолчала, всплеснула руками и уставилась в пространство с видом совсем запредельного изумления.

– Господи... – выдохнула она после долгой паузы. – А у людей-то то же самое... Извини, Маша, я пойду.

Она развернулась и ушла назад, в ту сторону, откуда они пришли. Старушка Маша некоторое время смотрела ей вслед, а потом отвернулась, покачала головой, покрутила пальцем у виска и пошла дальше. Прошла метров пятьдесят, остановилась, вытащила из пакета какие-то объедки, тут же, откуда ни возьмись, появились три бродячие собаки, довольно упитанные и совсем не несчастные, если судить по внешнему виду.

– По-моему, некоторые желания лучше не исполнять, – сказал Костя.

– Это точно, – кивнула Инна. – Но от меня мало что зависит, это ведь мое свойство.

4

– Привет, Костя! – сказал Денис.

– Привет, – отозвался Костя. – Звал меня?

– Да, садись, располагайся. Чаю хочешь?

– Лучше кофе.

– Тогда наливай, чайник только что вскипел, сахар сам знаешь где, печенье на столе.

Костя суетился у чайного столика, Денис смотрел на него и собирался с силами. Разговор обещал быть неприятным и непростым, лучше начать его с каких-нибудь ничего не значащих фраз, а то Костя обидится. Впрочем, он и так обидится, в любом случае. Как же не хочется переходить к делу...

– Давно мы с тобой нормально не разговаривали, – сказал Денис. – Совсем я замотался, вообще времени нет ни на что. Как у тебя вообще дела?

– Нормально, – ответил Костя с заметным сарказмом в голосе. – С женой вот развёхался, разводиться будем.

– Да ну?! – изумленно воскликнул Денис. – У вас же все хорошо было. Сколько вы вместе прожили? Лет десять?

– Тринадцать.

– Ну вот! А с чего разводиться?

Денис хотел было спросить: «Мужика другого нашла, что ли?» – но вовремя прикусил язык. Услышать такой вопрос обидно, независимо от того, каким будет правильный ответ.

– Мужика другого нашла, – сказал Костя.

– Ну, вы хоть нормально расстались? – спросил Денис. – Посуду не били?

– Посуду не били, – ответил Костя. – Морды друг другу побили, я победил по очкам. Хорошо, сын не видел.

Денис внимательно изучил Костино лицо, ни синяков, ни царапин от ногтей на нем не наблюдалось. Может, он просто пошутил так? Впрочем, проблемы Кости Дениса не касаются, выразил сочувствие и хватит.

– Кстати, у тебя мышь сдохла, – вспомнил Денис.

– Вот блин! – воскликнул Костя. – Только в прошлом месяце менял. Погоди, а зачем ты мой компьютер включал?

– Да не компьютерная мышь, – хихикнул Денис. – Живая мышь, биологическая. В этом твоём последнем эксперименте.

Денис подумал, что слово «последний» было неудачным. Но слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

– Интересно, – сказал Костя. – Только одна мышь сдохла? Странно. Да и рановато ейдохнуть. Ладно, пойду вскрыю, посмотрю.

– Ты, это... – замялся Денис. – Этот эксперимент...

– Тонко намекаешь, что грант кончился и проект закрыт? – спросил Костя.

Странное дело, он, кажется, совсем не расстроен. Ну да, когда в семье такие проблемы, неприятности на работе воспринимаются как нечто незначительное. Это даже хорошо, меньше переживать будет.

– Ну... да, – сказал Денис. – Я на всякий случай сделал новую заявку, посмотри при случае, может, что поправишь.

– Посмотрю, – сказал Костя. – Вот только мышку вскрыю и посмотрю. Знаешь, что... – Костя надолго задумался, а затем быстро сказал: – Нет, ничего. Потом поговорим.

И вышел из кабинета, оставив на столе недопитый кофе. Денис печально покачал головой. Бедный парень, ему и так тяжело, а тут еще финансирование прекратилось... Пора сва-

ливать из этого института, но куда? Костя-то за границей легко устроится, ему квалификация позволяет, а руководителей низшего звена в зарубежных институтах всюду полно, хоть задницей ешь. Уйти, что ли, к брату в фирму, презервативами торговать? Пожалуй, пора всерьез об этом подумать. Позвонить ему, прощупать почву... Действительно, чего тянуть? Взять телефон и позвонить.

Денис взял телефонную трубку и набрал номер.

5

– Как дела? – спросил Саша. – Какие новости?

Ольга пожала плечами:

– Все нормально. А у тебя?

Саша тоже пожал плечами:

– Да вроде тоже все нормально.

Ольга не сомневалась, что он что-то скрывает. Саша приехал домой в девятом часу, он выглядел сильно уставшим, но эта усталость была не радостной, как после удачно завершенного дела, и не сосредоточенно-напряженной, как в дни большого аврала. Это была такая опустошенная усталость, она появляется, когда у тебя неприятности, а ты не знаешь, как их решить, и потихоньку впадаешь в уныние. Ольга хорошо знала это состояние, оно было обычным для нее, когда она только открыла свой бизнес. Потом дела наладились, а вот у Саши они сейчас, наоборот, разлаживаются. И бессмысленно спрашивать, что случилось, он все равно ничего не расскажет. Во-первых, это наверняка государственная тайна, а во-вторых, мужчины никогда не говорят женам о больших проблемах на работе. О всяких мелких неприятностях – сколько угодно, а о серьезных проблемах – нет, они считают, что должны сами со всем справляться, потому что они мужчины. Глупо, но ничего тут не поделаешь, так уж они устроены.

– Как бизнес? – спросил Саша.

– Нормально, – ответила Ольга.

Она не соврала, бизнес действительно шел нормально. Конечно, девчонки сразу уперлись взглядами в припудренный синяк, стали задавать вопросы, выражать неискреннее сочувствие, но Ольга уже решила, как себя поведет.

– Я развожусь с мужем, – сказала она. – Подробностей не будет.

Надо полагать, она выглядела достаточно зло, потому что вопросы действительно прекратились. Ольга стала вникать в дела, она уже приготовилась устраивать разносы, но оказалось, что ругаться нет оснований. Работа шла своим чередом, клиенты приходили, платили деньги и уходили довольные, мелкие упущения, конечно, нашлись, но это были именно мелкие упущения, за них не ругают, на них просто указывают. Ольга зря боялась, что ее отсутствие в офисе создаст проблемы, похоже, ее бизнес дорос до той стадии, на которой хозяину не нужно лично вникать во все детали, все работает само собой. И это хорошо.

– Андрей дома? – спросил Саша.

Ольга помотала головой.

– У друзей, – сказала она. – У Леши, кажется. Играют во что-то компьютерное.

Саша кивнул. К этому времени он уже переоделся, помыл руки и теперь пошел на кухню. Ольга обогнала его и полезла в посудный шкаф, доставать тарелку будущему мужу.

– Да не суетись ты, – сказал Саша. – Отдохни, я найду, что поесть.

Ольга оставила эти слова без внимания.

– Я отбивные приготовила, – сказала она. – С картошкой, как ты любишь.

– Спасибо, – сказал Саша. – Только не стоило так напрягаться, ты же весь день в офисе провела.

– Не весь день, так, пару часов. Там все нормально, даже странно. Я думала, разболтаются без меня.

– Везет тебе, – вздохнул Саша.

Ольга ожидала, что он начнет рассказывать о своих неприятностях, но Саша промолчал. Она положила еду ему на тарелку, нарезала хлеб, налила в стакан сок. Села напротив.

– Как у тебя с Андреем? – спросила она. – Он тебя не достает?

Саша помотал головой.

– Все нормально, – сказал он. – Отличный парень растет. Никаких проблем, все правильно понимает.

Некоторое время они молчали. Потом Ольга спросила:

– На дачу в пятницу поедem?

– Нет, в пятницу не поедem, в субботу поедem, – ответил Саша. – В пятницу Андрей после школы с отцом встречается.

– А мне он ничего не говорил, – удивилась Ольга.

Саша пожал плечами. Ольга ощутила укол ревности – разрывая отношения с Костей, она ожидала совсем другого. Она боялась, что Андрей не примет Сашу, но у них отношения сразу наладились, а от нее сын отдалился. Когда он дома, почти не разговаривает с ней, либо сидит в своей комнате, либо с Сашей в компьютер играют на пару. А она как бы лишняя.

И Костя ни разу не звонил домой. На мобильник сыну звонил, а с ней разговаривать не хочет. Она тоже с ним разговаривать не хочет, но она была уверена, что он будет звонить ей, просить вернуться, хотя бы извинится за то, что ударил ее... Раньше она считала, что он к ней лучше относится.

Саша доел, поставил посуду в раковину и открыл кран.

– Оставь, я помою, – сказала Ольга.

Саша с сомнением посмотрел на нее, но закрыл кран и отошел от раковины. Странное дело, он совсем не чурается домашней работы, как большинство мужчин. Пропылесосил без напоминания, мусор выбрасывать не забывает, даже посуду моет. Костя тоже все это делал, но ему нужно было каждый раз напоминать, и он делал такое обиженное лицо...

Какое же это нервное дело – с мужем разводиться...

6

Мышь умерла от внутреннего кровотечения. Еще у нее начинался перитонит, он убил бы животное через пару дней, но не успел, кровотечение справилось быстрее. Раковая опухоль, практически уничтожившая мышинный желудок, после введения препарата стала стремительно распадаться, желудок превратился в решето прободных язв, а затем распад затронул крупный сосуд и болезни пришел конец. Быстрая и гуманная смерть, куда приятнее, чем смерть от непроходимости, которая должна была наступить дней примерно через пять.

Неожиданный эффект. В общем-то, все хорошо, лекарство действует, даже слишком хорошо действует. Костя внимательно осмотрел под микроскопом ошметки мышинного желудка, живых раковых клеток не обнаружилось ни одной, только некротизированные остатки. Если бы опухоль была меньше и не затронула жизненно важных органов, мышь была бы жива и почти здорова, гнойник на месте опухоли за болезнь можно не считать. Получается, в некоторых случаях это лекарство вполне можно применять, на начальных стадиях рака кожи, например. Впрочем, рак кожи и так неплохо лечится, а вот если у больного много мелких метастазов, это раньше не лечилось, а теперь... Конечно, эффект не совсем тот, какой хотелось получить, но тоже очень хороший. А что с остальными мышами?

Остальные девять мышей выглядели точно так же, как раньше, непохоже, что препарат на них подействовал. Опухоли по-прежнему прощупывались, у четверых мышей незначительно поднялась температура, но это ни о чем не говорит, на поздних стадиях рака температура тела часто подпрыгивает. По самочувствию тоже заметных изменений нет, большую часть времени зверьки неподвижно лежат, только к поилке подходят время от времени, три мыши немного поели, остальные только воду пьют. Обычные больные животные, ничего особенного.

Так было во вторник и в среду, а в четверг обстановка в виварии радикально переменялась. Когда Костя бросил первый взгляд на длинный ряд клеток, он не поверил своим глазам – две мыши бегали в колесе. Остальные животные по-прежнему лежали и страдали, но только в одной клетке кормушка была нетронута. Кажется, они выздоравливают, тьфу-тьфу, не спазить бы.

Сегодня, в пятницу, все девять зверьков выглядели абсолютно здоровыми. Некоторые бегали в колесе, другие лазили по стенкам своих клеток, одна мышь спала, но когда ее товарищи встретили человека громким писком, проснулась и тоже начала суетиться. Судя по кормушкам, все мыши хорошо поели. Они выздоравливают, в этом больше нет сомнений.

Некоторое время Костя неподвижно стоял и смотрел на клетки с грызунами. Он знал, что это великий момент – лекарство, которое принесет спасение миллионам больных и Нобелевскую премию своему создателю, только что прошло первое испытание. Костя понимал, что должен чувствовать небывалое воодушевление, кричать «Эврика!» или что-нибудь другое в том же духе, но он не чувствовал ничего особенного. Он смотрел на жизнерадостных зверьков, победивших смертельную болезнь, и думал только о том, как и в каком порядке выполнять процедуры, которыми обычно завершается испытание нового препарата. А высоких мыслей в голове не было, голова была не то чтобы пустая, но холодная.

Костя прошел в кабинет, включил компьютер и просмотрел медицинские карты подопытных зверьков. Диагнозы, результаты анализов, рентгеновские снимки... Десять мышей, среднего возраста и пожилых, у всех рак в последней стадии, ожидаемое время жизни – от недели до двух. И вот они, в соседнем помещении, скачут довольные по клеткам и еще не знают, что их ждет. Простите, мышки, мне вас жалко, но придется послужить науке в последний раз.

Костя взял видеокамеру, прошел в виварий и немного поснимал каждую мышь. Он делал это каждое утро, это составная часть эксперимента и важное приложение к отчету. И еще это последнее событие в жизни нескольких несчастных животных.

Ну что ж, начнем. Клички подопытным мышам обычно не дают, у них есть только номера, но этого примечательного матерого самца Костя прозвал Пиратом. Не только из-за темного пятна вокруг глаза, но и из-за особенностей характера, мыши онкологической линии редко бывают столь агрессивными и самоуверенными. Вот и сейчас, когда Костя сунул в клетку руку в перчатке, Пират не стал прятаться, а попытался тяпнуть человека за палец. Ничего страшного, его можно понять, имеет право.

Костя перехватил Пирата поудобнее, зафиксировал двумя пальцами голову, чтобы животное не кусалось, и уложил в гильотинку. Мышь оглушительно заверещал, Костя быстро взвел пружину и нажал кнопку. Он не любил такие моменты, понятно, что лабораторные мыши для того и предназначены, чтобы ученые ковырялись в их внутренностях, но он все равно чувствовал себя убийцей. Утешает лишь то, что ребятам, работающим со СПИ-Дом, еще тяжелее, им приходится обезьян убивать.

Ну ладно, начнем вскрытие. У Пирата был рак легких, предположительно, с метастазами в печени. Предположительно – потому что у мышей метастазы видны только на вскрытии, у них и главная опухоль становится заметна лишь за пару-тройку недель до смерти, очень маленький организм, не хватает разрешающей способности ни рентгена, ни ультразвука. Но ничего, сейчас все увидим.

Начнем с печени. Печень как печень, ничего особенного. Чуть-чуть увеличена, но в пределах нормы, никаких уплотнений не видно, сфотографируем и пойдем дальше. Теперь легкие... Ого!

В левом легком, почти у центрального бронха, хорошо заметен большой и явно патологический очаг. Слизистая утолщена и изменена, на это стоит взглянуть через микроскоп.

И не только взглянуть, но и сфотографировать. Очень хорошо видно, что эти клетки раньше были раковыми, а теперь начали превращаться в обычный эпителий. Превращение еще не завершено, характерные лепестки на поверхности клеток еще заметны, но лишь чуть-чуть, надо приглядываться, чтобы их разглядеть. Сосуды, питавшие бывшую опухоль, резко сужены, это нельзя объяснить посмертными изменениями. Все правильно: когда опухоль утратила злокачественность, клетки отказались от усиленного питания. А кстати...

А вот это по-настоящему сильно. Костя сразу и не понял, что опухоль проросла гораздо глубже, чем казалось на первый взгляд. Потому что теперь там почти нормальная легочная ткань, некоторые изменения есть, альвеолы необычной формы, слишком мало пыли на их поверхности, да еще капиллярная сеть необычно густая. Но это мелочи, если к ним не придирается, можно считать, что под микроскопом лежит нормальная легочная ткань, вполне функциональная, даже, пожалуй, чуть более функциональная, чем в норме.

Ладно, с Пиратом все понятно. Сфотографировать образцы тканей, тушку упаковать в контейнер, приклеить этикетку и убрать в холодильник. Следующий.

Этой самке Костя не дал имени. Мышь как мышь, ничего особенного, маленькая хвостатая старушонка, уже прабабушка, если верить личному делу. Прости, старушка, ничего личного...

Рак толстой кишки был у бабушки. Да, точно был, пораженный участок сразу бросается в глаза. Но теперь там нет рака, опухолевые клетки утратили злокачественность и начали дифференцироваться, кто обратно в эпителий, а кто в соединительную ткань. А кое-кто... да, точно, в мышечные волокна. Все в точном соответствии с программой эмбрионального развития.

Прекрасно. Пожалуй, остальные мыши могут пожить еще немного. Денис захочет на них посмотреть, да и не только Денис. Жаль, что сегодня пятница, Дениса целый день не

будет. Хотя нет, не жаль, сегодня же Андрей приедет... Ладно, подождем с историческим докладом до понедельника.

7

В первое мгновение Андрей подумал, что ошибся квартирой. То есть квартира была на месте, ключ подошел, мебель в прихожей была та же самая, но встретил его не папа, а незнакомая девушка, довольно молодая, на вид лет двадцати, если не моложе. А потом Андрей все понял и засмеялся. В его смехе проскальзывали истерические нотки.

– Привет, – сказала девушка. – Ты Андрей? Костя! Андрей пришел!

Из туалета донесся шум спускаемой воды. Андрей снова засмеялся. Девушка тоже хихикнула.

– Меня зовут Инна, – представилась она и протянула руку.

Если бы такой жест сделала его одноклассница, Андрей знал бы, что надо делать в ответ – согнуться в шутливом поклоне, перевернуть руку девочки ладонью вниз и галантно поцеловать, как это делают мушкетеры в соответствующих фильмах. Выждать секунду, чтобы девица расплылась в идиотской улыбке, и сильно всосать кожу на ее руке. Засос вряд ли получится, но все равно весело, они так забавно возмущаются. Главное, потом вовремя отскочить, чтобы подзатыльник не получить.

Но Инна была девушкой отца, и Андрей постеснялся поступать как обычно. Он просто пожал ее руку.

– Тебе сколько лет? – спросил Андрей.

Казалось, этот вопрос застал ее врасплох. Она дернула глазами туда-сюда, состроила непонятную гримаску и ничего не ответила. А она довольно симпатичная, когда такие гримаски строит, не красивая, но симпатичная. Ну, папа дает! Седина в бороду – бес в ребро, Гумберт, блин!

– Привет! – сказал папа, входя в прихожую. – Ты в школе пообедал?

– Привет, – отозвался Андрей. – Пообедал. А вы с Инной, наверное, только одними пельменями питаетесь?

– Не только, – улыбнулся папа. – Еще у нас бывает яичница и макароны с сосисками. Хочешь, сварганю что-нибудь перекусить?

– Не надо, – помотал головой Андрей. – Я же пообедал.

– Ну, как знаешь, – произнес папа с заметным облегчением. – Куда-нибудь поедem или в лес прогуляемcя? – Он смущенно улыбнулся и добавил: – Никогда не был воскресным папой, вообще не знаю, что в таком случае положено делать.

– Ты не воскресный папа, – возразил Андрей. – Ты пятничный папа, а в воскресенье я буду на даче. А делать ничего особенного не надо, пойдem в лес прогуляемcя.

Они вышли на улицу. Андрей заметил, что туфли у Инны точь-в-точь как у мамы на даче. Ну, то есть не совсем туфли, а такие типа тапочки, Андрей не знал, как правильно называется эта обувь, да и не задумывался над этим никогда.

Раньше такие прогулки начинались с того, что папа заходил в магазин и брал пиво с орешками. Но сегодня он прошел мимо.

– Пиво братъ не будешь? – спросил Андрей.

Он вдруг вспомнил, как Саша говорил, что у папы сейчас проблемы с деньгами. А ему еще эту Инну содержать надо, вряд ли она зарабатывает, она студентка, скорее всего...

– Хочешь, я куплю? – спросил Андрей.

Лицо папы стало удивленным и немного обиженным.

– Рано тебе еще пиво пить, – заявил он. – А себе я сам могу купить, я просто не хочу. К тому же тебе не продадут.

– Как знаешь, – пожал плечами Андрей.

Некоторое время они молчали. Потом папа спросил:

– Как мама?

– Нормально, – ответил Андрей. – Синяк почти сошел.

Папа как-то весь сгорбился, на его лице появилось виноватое выражение.

– Передай ей, что я извиняюсь, – сказал он. – Мне очень жаль, это как-то случайно получилось, я не хотел. Никогда раньше со мной такого не бывало. Вообще не соображал, что делаю. К тому же она первая ударила.

Андрей критически оглядел папино лицо. Никаких синяков и царапин на нем не было.

– Не попала? – спросил Андрей.

– Типа того, – ответил папа. – Я увернулся и ударил в ответ, чисто автоматически.

Скотство, конечно, женщину бить...

Они помолчали. Потом папа сказал:

– А этот... как его...

– Саша? Нормальный мужик. С воспитанием не домогается, даже маму одергивает, когда она меня достает. Мы с ним в кваку играли на пару, он неплохо играет, хотя опыта нет совсем. Я у него выиграл 10:6. А у тебя как дела? Саша говорил, у тебя неприятности на работе.

– А он-то откуда знает? – удивился папа.

– Он полковник КОБ, – сказал Андрей. – Я так понимаю, он твои данные по своим каналам пробил.

– Фигасе, – сказал папа.

Андрей засмеялся. Будь здесь мама, она бы обязательно выступила, что при детях такие слова употреблять нельзя, это всегда бесило Андрея. Папа всегда разговаривал с ним как со взрослым, не в том смысле, что матом ругался, просто нормально разговаривал, не пытался поучать и не дергал по мелочам. Саша тоже такой же.

– А у тебя на самом деле неприятности? – спросил Андрей.

– Были, – ответил папа. – Но прошли. Я сделал то самое лекарство.

– Круто! – сказал Андрей. – Нобелевскую премию получишь?

Папа пожал плечами и серьезно ответил:

– Вполне возможно. Но это еще не скоро будет, такие дела быстро не делаются. Пока только первое испытание прошло, на мышах, а на людях начнем испытывать не раньше зимы, да и то если побочных эффектов не обнаружится и если с продлением гранта не затянут. В продажу лекарство пойдет лет через пять, не раньше.

– А что так долго? – удивился Андрей.

– Так положено, – сказал папа. – Клинические испытания – дело серьезное.

– Ты, наверное, богатым человеком станешь, – сказал Андрей.

Папа задумался, казалось, эта мысль только сейчас пришла ему в голову.

– Да, пожалуй, – сказал он после долгой паузы. – Офигенно богатым. Но это будет нескоро.

8

Говорят, что понедельник – тяжелый день, но этот понедельник не был для Кости тяжелым. Куда тяжелее было томительно ждать, когда пройдет суббота, а затем воскресенье. Костя прямо-таки рвался на работу, обычному человеку не понять такого стремления, но когда ты ученый и только что сделал открытие, да не простое, а великое, работа становится не тяжелой обязанностью, а самым лучшим и приятным делом в жизни. Говорят, это похоже на наркотик, но Костя наркотики никогда не пробовал (конопля не считается) и не мог сказать, верно это утверждение или нет.

В первую очередь он зашел в виварий и осмотрел подопытных мышей. Все были живы и здоровы, даже не скажешь, что онкологические. Затем Костя засел за компьютер и стал готовить черновой вариант отчета по проведенному эксперименту. Когда все было почти готово, к нему зашел Денис. Они обменялись приветствиями, Денис присел на край стола и спросил:

– Чем занимаешься?

– Да вот, – сказал Костя, – решил последний эксперимент оформить.

Денис очень удивился.

– На фига? – спросил он. – Я еще на той неделе отчет отправил.

– Это ты зря, – сказал Костя. – Гляди.

Перевел курсор на начало текста, встал из-за стола и сказал:

– Садись, почитай.

Следующие пять минут Костя сидел на гостевом стуле, пил кофе и наслаждался выражением лица Дениса, пока тот читал документ. Вначале лицо Дениса выражало сдержанное недовольство, типа, заставляют тут начальника читать всякую ерунду, но Костя – известный зануда, проще прочесть, чем объяснять, почему не хочешь читать. Потом в глазах Дениса появился неподдельный интерес, а под конец он явно не верил своим глазам. Дочитав текст до конца, он так и сказал:

– Не верю.

– Я бы тоже не поверил, – согласился с ним Костя. – Пойдем, попрепарируем кого-нибудь, сам все увидишь.

Денис недовольно поморщился. Нельзя сказать, что он совсем не разбирался в онкологии, он кое-чего нахватался за то время, что лаборатория работала над последними грантами, но его знания были поверхностными и чисто теоретическими, он смог бы, глядя в микроскоп, отличить раковую клетку от нормальной, но и все, более тонкие нюансы были ему недоступны.

– Пойдем, – повторил Костя. – Если чего не поймешь, я объясню. Хочешь, возьмем кого-нибудь беспристрастным свидетелем, Федора Викторовича, например.

Денис поморщился еще сильнее. Несмотря на пожилой возраст, Федор Викторович был отличным специалистом, но его занудство превосходило все мыслимые пределы. Мыслил он глубоко, но крайне неторопливо, лаборанты называли его за глаза тормозом от «КамАЗа».

– Нет, – сказал Денис. – Федора Викторовича брать с собой не будем. Хорошо, пойдем, посмотрю своими глазами.

Вначале они осмотрели замороженные останки кишечника мыши-старушки. Они использовали стереомикроскоп, Денис смотрел в один окуляр, Костя смотрел в другой и объяснял, что именно лежит на стекле и что означают те или иные признаки. С каждой минутой Денис все больше проникался сутью происходящего.

Потом Костя показал Денису легкие Пирата, а когда убедился, что Денис все понял в меру своего разумения, сказал:

– Теперь давай свежий труп посмотрим, мне самому интересно, что у них в организме за следующие три дня произошло.

Денис раздраженно замахал руками. Он не любил препарировать свежие трупы, он так и не преодолел в себе естественную брезгливость при виде крови и смерти. Ну, то есть для нормального человека эта брезгливость естественна, а для биолога – как раз наоборот, противоестественна.

– Сам смотри, – сказал он. – Не буду тебе мешать. Лучше скажи, этот препарат, как он синтезируется? Просто в синтезатор формулу закладываешь или нужно что-то особенное сделать, какая-то хитрость есть?

– Никаких хитростей, – сказал Костя. – Загоняешь формулу в синтезатор, ждешь три часа и получаешь дозу. Формула, кстати, есть в отчете, на второй то ли третьей странице.

Денис странно покосился на Костю. Очевидно, удивился, что Костя не скрывает от начальника формулу чудесного лекарства. Костя думал над этим, но решил не проявлять паранойю. Почти все молодые ученые всерьез считают, что старшие товарищи спят и видят, как бы присвоить себе достижение молодого гения, но на самом деле, пока открытие не опубликовано, оно представляет ценность только для автора и больше ни для кого. А когда открытие опубликовано, украсть его уже невозможно, автору достаточно предъявить ссылку на статью и все, плагиатор опозорен. Есть, правда, небольшой промежуток времени, когда можно попробовать набиться в соавторы и не всегда это будет плагиатом – молодые ученые часто неспособны адекватно оценить свое открытие, увидеть в нем все стороны, заслуживающие дальнейшего изучения, да и статью нормально оформить не все могут без помощи научного руководителя. Но сейчас не такой случай, Денис скоро поймет это, он мужик неглупый. Тем не менее подстраховаться не помешает, тем более что делается это очень просто.

Костя скинул файлы Денису на флэшку, подождал, пока тот дойдет до своего кабинета, и пошел в соседнюю лабораторию.

– Ребята! – провозгласил он с порога. – Я открыл лекарство от рака.

Ответом ему было недоуменное молчание. Сотрудники и сотрудницы смотрели на него и ждали продолжения шуток.

– Я не шучу, – сказал Костя. – Десять мышей с последней стадией рака получили инъекцию, одна умерла, девять выздоровели. Опухолевые клетки утратили злокачественность и дифференцировались, все пораженные органы восстановились. Минуту назад я показал Денису формулу препарата...

Общий смех прервал его речь.

– Все понятно, – сказал Серега Епифанов, – можешь не продолжать. Никто твою славу не украдет. Впрочем, пойдем, покажешь сырые результаты, а то чем черт не шутит, Денис вроде мужик умный, но кто его знает, что ему в голову взбредет...

9

– Как отец? – спросила Ольга.

Андрей странно хихикнул.

– Нормально, – сказал он. – У него теперь девушка живет.

Саша оглушительно расхохотался, Ольга даже испугалась на мгновение, что он сейчас потеряет управление, машина сильно вильнет в сторону и съедет с дороги. Но нет, обошлось.

– Какая девушка? – спросила Ольга.

– Молодая, лет двадцати, – ответил Андрей. – Студентка, наверное, или лаборантка. Инна зовут. Симпатичная.

Ольге стало горько и обидно, ее как будто из ушата окатили. Она, дура, стеснялась заводить любовника, терзала себя, дескать, это неприлично, это предательство, понимала, что все это ерунда, но все равно страдала. Недолго, правда, потому что когда решение принято, его надо выполнять, а не страдать, бизнес этому быстро учит. Но она и представить себе не могла, что в то самое время ее муж, уже не любимый, но все-таки муж, наставляет ей рога, спокойно и без всяких душевных терзаний. Она бы сразу заметила, если бы он почувствовал себя виноватым, она всегда это замечала. Но никаких признаков вообще не было!

– Еще он сказал, что нашел то лекарство, над которым они работали, – продолжил Андрей.

– Но у них грант закончился, – удивилась Ольга. – Он сейчас вообще без работы сидит.

– Папа говорит, это ненадолго, – сказал Андрей. – Под такое открытие им легко новый грант дадут.

– А какое это открытие? – спросил Саша.

– Лекарство от рака, – ответил Андрей.

Саша засвистел, не очень громко, но протяжно, переливчато и очень противно.

– Не свисти, денег не будет, – сказала Ольга.

Саша перестал свистеть.

– Круто, – сказал он. – Молодец он, твой отец. А это лекарство, оно как, продляет жизнь или на начальных стадиях выживаемость повышает?

– Оно полностью излечивает рак, – заявил Андрей. – На любой стадии, кроме самой последней. Папа говорил, он его вколол мышам, которые должны были умереть через несколько дней, и все, кроме одной, выздоровели.

– Круто, – сказал Саша. – А сколько мышей всего было?

– Десять.

– Круто, – еще раз повторил Саша. – Передавай мои поздравления. И еще, если вдруг будут проблемы, типа нарушения авторских прав или что-то еще, пусть ко мне обращается, не стесняется. Ну, то есть ко мне он вряд ли станет обращаться, ему сейчас неприятно со мной разговаривать, а через тебя пусть передаст. У нас были дела по медицине, опыт есть.

– А это вы Брунькова посадили? – заинтересовался Андрей.

– Мы, – кивнул Саша.

– А эту машину вы тогда купили?

– Андрей! – возмутилась Ольга. – Как ты смеешь...

Саша странно хихикнул. Кажется, он совсем не обиделся, это странно, она бы на его месте точно обиделась.

– Ты прав, Андрей, – сказал Саша. – Эту машину я купил сразу после того дела. Кстати, мы вроде договорились, что ты ко мне обращаешься на «ты».

– Как тебе угодно, Саша, – сказал Андрей.

Его голос звучал ехидно и зло, Ольга поняла, что сейчас он начнет травить Сашу, так же, как травил ее в эти дни. Саша начнет ругаться, Андрей обидится... Всю неделю она боялась этого момента, и вот он наступил.

– Андрей! – громко повторила она.

Саша легонько коснулся ее бедра.

– Оля, не надо кричать, – сказал он. – Андрей все правильно понял. Андрей, надеюсь, ты не думаешь, что я беру взятки?

Андрей хихикнул и ничего не ответил.

– Значит, думаешь, – констатировал Саша. – Ты, наверное, такую картину нарисовал себе в воображении, сижу я, значит, в кабинете, напротив меня сидит Бруньков в арестантской робе, а я ему говорю: «Давай, сволочь, миллион баксов, а то в тюрьму посажу!» Так?

– Примерно так, – согласился Андрей.

– Так бывает только в дурных романах, – заявил Саша. – Во-первых, я никого не допрашиваю лично, на это есть следователи. Во-вторых, в тюрьму сажают лишь в крайних случаях, когда не получилось договориться по-хорошему. А в-третьих, в КОБ взятки не берут. Не потому, что мы такие честные, просто обстановка не та. У ментов на каждом опере висит два десятка дел, одно дело закрыл за взятку – никто не заметит. А у нас на каждое дело меньше пяти оперов редко когда приходится.

– И каждый за каждым присматривает? – поинтересовался Андрей.

– Ну да, примерно так, – согласился Саша. – Но не потому, что все стучат друг на друга, это как-то само собой получается. Когда работаешь в команде, предавать товарищей трудно, и психологически, и чисто технически.

– А если всей команде дают взятку? – спросил Андрей.

– Тогда это называется не взятка, а внебюджетный фонд содействия правоохранительным органам, – сказал Саша и засмеялся.

Андрей тоже засмеялся.

– А это законно? – спросил он.

– Конечно, – серьезно ответил Саша. – Наши юристы – не дураки, все оформлено как надо, комар носа не подточит. Да и кто будет под нас копать?

– Служба собственной безопасности? – предположил Андрей. – Или она тоже в доле?

– Ну, не все так просто... – протянул Саша.

Андрей снова засмеялся. Его внезапная злость на Сашу бесследно прошла, он и сам не заметил, как это произошло. Саша – отличный психолог, поняла Ольга, он крутит людьми как хочет. Может, над ней он тоже ставит свои опыты? Может, он на самом деле не любит ее?

Она вспомнила, как он впервые признался ей в любви. Это трудно даже назвать признанием, она спросила его, как бы в шутку:

– Саша, а ты меня любишь?

Он на секунду задумался, а потом ответил:

– Скорее да, чем нет.

Еще немного подумал и сказал:

– Конечно, люблю, милая моя.

И они снова стали целоваться.

Тогда она не обращала внимания на его странности, в ней играли гормоны, как в неразумной девчонке-малолетке, но сейчас она подумала: а что, если тогда он управлял ею? Что, если его любовь – просто тренировка? Или, хуже того, он хочет ее завербовать?

Она помотала головой, отгоняя мерзкие мысли. Нет, это все ерунда и паранойя, не надо так думать, не надо во всем искать плохое, на самом деле все хорошо, Саша любит ее, а до Кости ей нет дела, ну и что с того, если он наставлял ей рога? Сейчас это уже не имеет никакого значения.

10

– Как тебе Андрей? – спросил Костя.

– Хороший парень, – ответила Инна. – Умный, уравновешенный и выглядит старше своих лет.

– Да ну? – удивился Костя. – С его-то ростом...

– Я не это имею в виду, – сказала Инна. – Я имею в виду, изнутри выглядит старше. Сколько ему лет, четырнадцать? В таком возрасте у мальчишек психика обычно более расшатана.

– Он сильно переживает? – спросил Костя. – Ну, что мы с его мамой...

– Не очень. Поначалу был ошеломлен, но быстро привыкает. Больше всего его сейчас напрягает, что по утрам приходится раньше вставать, он же теперь в школу на метро ездит.

Костя чувствовал себя как-то странно и неестественно. Узнавать о мыслях и чувствах родного сына от пришелицы со звезд – в этом есть нечто извращенное, как будто потихоньку читаешь его дневник, не школьный дневник, а личный. Впрочем, если бы Андрей вел дневник, Костя обязательно прочел бы его при первом удобном случае.

– А с этим Сашей у него как отношения? – спросил Костя.

– Очень хорошие, даже лучше, чем с матерью, – сказала Инна. – Похоже, Саша – очень хороший человек, хоть и из КОБ, даже странно. Я вглядывалась в ментов на улицах, у них обычно очень неприятные души, грязные такие. А Саша совсем не такой. Правда, я его видела только через отражение в душе Андрея, я не знаю, какой он на самом деле. Но, скорее всего, хороший.

Костя почувствовал укол ревности. Казалось бы, он должен радоваться, что новый муж Ольги оказался достойным человеком. Андрею будет лучше, не будет дома скандалов, не придется нервничать из-за того, что рядом с тобой живет чужой и противный мужик. Да и Ольге Костя, несмотря ни на что, зла не желал. То есть он думал, что не желает ей зла, но какой-то мерзкий маленький червячок на самом дне души тихо подзуживал: «Так ей и надо, суке, раз меня бросила». Но если бы она не бросила Костю, он бы не встретил Инну, не сделал бы великое открытие, так и продолжал бы существовать, перемещаясь из семейных проблем в проблемы на работе и обратно. Это даже хорошо, что она ушла, теперь его желания исполняются. Кстати...

– А у Андрея ты какое-нибудь желание исполнила? – спросил Костя.

Инна отрицательно покачала головой.

– Кажется, нет, – ответила она. – По-моему, у него вообще нет сильных желаний.

– Как это? – удивился Костя. – Он абсолютно счастлив? Или слишком пассивен, чтобы чего-то желать?

– Ни то ни другое, – сказала Инна. – По-моему, он сам не знает, чего хочет. Все резко переменилось, у мамы новый муж, у папы новая жена. – Она резко осеклась и после секундной паузы продолжила: – Извини, не хотела тебя обидеть. Не жена, подруга, жена – это когда штамп в паспорте.

– Я не обиделся, – сказал Костя. – На самом деле это тебе положено обижаться. Я ведь не смогу на тебе жениться, чисто технически, у тебя паспорта нет. Кстати, не боишься ходить по городу без документов?

– Не боюсь, – сказала Инна. – Меня не остановят, у меня есть желание, чтобы менты меня не останавливали, и оно работает. Это мое свойство.

– А что это такое – свойство? – спросил Костя. – Ты так часто об этом говоришь... Ты имеешь в виду, что исполняешь желания автоматически, независимо от своей воли?

– Примерно так, но не совсем, – сказала Инна. – Представь себе, ты выходишь из подъезда, а навстречу маленькая женщина катит коляску с ребенком, а впереди лестница. Ты сможешь ей независимо от своей воли?

Костя улынулся, Инна улыбнулась в ответ. Костя понял, что она поняла, что он понял ее правильно. Эта телепатия – такая странная вещь...

– Так, получается, для тебя все люди слабые и нуждаются в помощи?

– Не все, – ответила Инна. – Бывают сильные люди, а бывают слишком глупые, чтобы я могла им помочь. А некоторые вообще отвратительны, бомжи, например, бандиты всякие, наркоманы...

– Но одному наркоману ты помогла, – заметил Костя.

– Это был редкий случай, – вздохнула Инна. – Такие люди, как тот парень, редко спиваются и скалываются, у него это был несчастный случай. Плохая семья, неудачная любовь... Чаще бывает по-другому. В вашем обществе нет нормального механизма отбора, слабые и глупые не отсеиваются, им приходится самим убивать себя. Одни пьют водку, другие колют героин, третьи воруют и попадают в тюрьму, но это все разные формы одного и того же процесса. Подсознание человека понимает, что он лишний, никому не нужен, ничего не умеет, человек разочаровывается в жизни и начинает искать смерти. А сознание не понимает, чего он ищет, смерть приходит как бы сама собой.

– Интересная точка зрения, – сказал Костя. – Наверное, тебе противно смотреть на наш мир. Живые трупы...

– Нет, все не так плохо, – возразила Инна. – Живых трупов не очень много, симпатичных людей гораздо больше. К тому же я понимаю, что по-другому нельзя. Раньше у вас были войны, это намного хуже, в войне слишком большую роль играет случайность. Особенно когда у вас изобрели радио.

– А радио тут при чем? – удивился Костя.

– Без радио невозможна артиллерийская стрельба по площадям, – объяснила Инна. – Вчера я посмотрела передачу по телевизору, там это объясняли. Раньше люди сражались копьями, мечами и стрелами, тогда в войне побеждал самый сильный, ловкий и умный.

– А умный почему?

– Только умный мог устроить свою жизнь так, чтобы не работать в поле, а тренироваться с оружием. А потом основным оружием стали пушки, и все стала решать случайность. Когда солдат лежит под обстрелом, от него почти не зависит, погибнет он прямо сейчас или будет жить дальше. Конечно, умный солдат выберет лучшее укрытие, но от прямого попадания ничто не спасет.

– Понятно, – сказал Костя. – Может, войны потому и прекратились, что перестали приносить пользу?

– Скорее всего, – сказала Инна. – Эволюция – вещь хитрая и непостижимая, не всегда ее пути очевидны. А может, дело не только в эволюции. Иногда мне кажется, что вы, люди, тоже умеете исполнять желания, только не так качественно, как я. Наверное, это даже хорошо, у людей слишком много желаний, которые лучше не исполнять. А хорошие, правильные желания люди обычно прячут от самих себя.

– А я какие-нибудь желания прячу? – спросил Костя.

Инна внимательно взглядела в него, и он понял, что она смотрит не глазами. То есть глазами она тоже смотрит, но это просто свойство человеческого тела – смотреть на то, о чем думаешь.

– Ничего серьезного, – сказала Инна. – Большое желание у тебя только одно, я его постепенно исполняю. С тобой все в порядке, у тебя очень красивая душа, изящная, сбалансированная.

– Спасибо, – смущенно пробормотал Костя. – Знать бы еще, когда это желание исполнится...

– Скоро, – пообещала Инна. – Намного быстрее, чем ты рассчитываешь.

Глава третья Болезнь

1

Поговорка «понедельник – день тяжелый» окончательно потеряла актуальность для Кости. Все выходные он нетерпеливо ждал, когда снова окажется в лаборатории, войдет в виварий и посмотрит своими глазами, как чувствуют себя двадцать семь подопытных мышей: семь исцеленных в первом эксперименте, десять, получивших инъекцию препарата в прошлый вторник, и еще десять из контрольной группы, которым предстоит умереть в ближайшие дни. Все оказалось даже лучше, чем он ожидал: в основной группе второго эксперимента выжили все, стремительного распада опухоли не наблюдалось ни у кого. Возможно, та неудача – просто несчастный случай, аномальное наблюдение. Да даже если и нет, девяносто пять процентов вылеченных больных – по-любому невероятно большое число для рака четвертой стадии.

Минут десять ушло на заполнение очередной страницы в журнале эксперимента, теперь вся документация велась так, как положено по инструкции, а не так, как диктует здравый смысл. Но это не напрягало, а даже радовало, по такому радостному поводу и ерундой заниматься приятно.

Денис куда-то уехал, не иначе обивает пороги высоких инстанций, пытается пробить-таки грант в виде исключения, типа я понимаю, все сроки прошли, но посмотрите на данные последнего эксперимента, это большой успех. А чиновники говорят ему, что все сроки действительно прошли, и тонко намекают, что он не первый, кто просит денег для эпохального открытия. А может, и не так все это делается, Костя не знал, да и не хотел узнавать. Каждый должен делать то, что умеет, Костя умеет ставить эксперименты, а Денис умеет пробивать под них финансирование, и пусть будет так. Только наивные юнцы думают, что без толкового менеджера смогут заработать больше, Костя давно понял, что свою долю в грантах Денис отработывает по полной.

Зазвонил мобильник. Высветившийся номер был смутно знаком, но Костя не помнил, кому он принадлежит. Наверное, был в старой книге, которая пропала вместе с телефоном, после того случая Костя зарекся покупать дорогие мобильники. Преимуществ по сравнению с дешевой моделью почти нет, а может, Костя просто не успел их прочувствовать, потому что тот телефон вытащили у него из кармана на третий день после того, как он его купил. Дешевые аппараты намного лучше, их не воруют, они никому не нужны, кроме законного владельца.

– Алло! – сказал Костя.

– Костя? Привет, это Данила Щукин. Говорить удобно?

– Привет, Данила! – воскликнул Костя. – Удобно, да, конечно.

С Данилой Щукиным они вместе учились в институте, потом в аспирантуре и еще пару раз встречались на конференциях. Отец Данилы был важным чиновником то ли в каком-то министерстве, то ли где-то еще, Костя всегда завидовал Даниле, что тот может себе позволить заниматься тем, что интересно, не думая о хлебе насущном. Впрочем, это Даниле не помогло, больших результатов в науке он не достиг, недостаток таланта ничем не компенсируешь. Кое-как Данила защитил кандидатскую диссертацию и сразу после этого бросил науку, отец подарил ему какой-то бизнес, не то магазин, не то автосервис, Костя уже и не помнил, что именно. Не сказать, что Костя и Данила дружили, пили вместе не раз, но не

более того. Не враждовали – это точно, конфликтов у них не было, с Данилой можно было нормально разговаривать, а что еще нужно от приятеля? Еще Данила легко давал в долг и никогда не торопил с возвратом, но этим свойством Данилы Костя воспользовался лишь один раз, он не любил, когда он кому-то должен.

– Все там же работаешь? – спросил Данила. – В том же институте?

– Да, – ответил Костя. – А что?

– У вас вроде был грант по онкологии?

Костя начал догадываться, зачем звонит Данила. Нет, лучше бы ошибиться.

– Был, – сказал Костя. – Недавно закончился, Денис пробивает продолжение.

Костя хотел было пошутить, типа, если хочешь инвестировать в отечественную науку, то всегда пожалуйста, но решил воздержаться. Если он правильно догадался о причине звонка, эта шутка неуместна.

– Хотел с тобой проконсультироваться, – сказал Данила. – Рак поджелудочной железы третьей стадии – это лечится?

Костя давно привык, что люди не видят разницы между биологом, который режет онкологических мышей в смутной надежде найти эффективное лекарство, и врачом, который лечит живых людей. Обычно, когда начинался подобный разговор, Костя сразу говорил об этом, но сейчас решил, что не стоит. Рак поджелудочной железы – это не просто рак, это гарантированная смерть, исключения вроде Стива Джобса не в счет, некоторым людям фантастически везет, но так бывает редко. Обычно при этом раке процесс умирания надолго не затягивается, но, к сожалению, иногда он бывает очень мучительным.

– Точно назови стадию, – потребовал Костя. – Тэ три, дальше что?

– Эн икс... или ха... а потом эм один.

Костя помолчал, собираясь с духом.

– Костя! – позвал Данила. – Алло!

– Я слышу, – сказал Костя.

– Мне показалось, что связь прервалась. Костя, это лечится?

– Это не третья стадия, – мягко ответил Костя. – Это уже четвертая.

– И... что?

– Сейчас, подожди секунду.

Костя ткнул мышью в список закладок браузера, выбрал нужную и подождал, пока страница загрузится. В принципе он и так все помнил, но лучше уточнить... Хотя нет, не надо врать самому себе, он просто оттягивает момент, когда придется сообщать хорошему человеку плохие новости.

– Желтуха была? – спросил Костя.

– Была, сделали операцию, знаешь, такую трубку через рот вставляют, там на конце такой маленький, типа робот...

– Знаю, – оборвал его Костя. – Про химиотерапию врач что-нибудь говорил?

– Говорил, что можно попробовать, но... – Данила как-то странно хрюкнул, впрочем, почему хрюкнул? Всхлипнул он. – Неужели это конец?

Костя решил, что хватит играть в отрезание хвоста по частям. Врачи-онкологи не любят говорить правду родственникам пациентов, потому что после этого родственники обычно устраивают истерики, хватают врачей за грудки, умоляют сделать хоть что-нибудь... Но Косте это не грозит, настоящую истерику по телефону не устроишь, а значит, правду скрывать незачем. Лучше сразу все выложить, Даниле так будет легче, сначала будет тяжело, но потом легче.

– Конец будет месяцев через пять, – сказал Костя. – Это приблизительно, может быть, раньше, может, позже, рекордная продолжительность жизни с таким диагнозом была около двух лет. Самочувствие будет нормальным почти до конца, боль снимут наркотики, а другие

симптомы появятся только за неделю-другую до смерти. Да и не факт, что появятся, может начаться кровотечение...

– Какую больницу посоветуешь? – перебил его Данила.

– Все равно, – ответил Костя. – Химиотерапию везде делают одинаково, надо только, чтобы сестра была хорошая, мимо вены промахнется – будет очень больно. Врачи могут предлагать дорогие препараты, посылай смело и далеко, гемзар стоит полторы тысячи рублей за курс, платиновые соли еще дешевле, а лучше ничего пока не изобрели. Чистотел, керосин, БАДы – тоже посылай всех подальше, от этого только вред. На наркотики переходите как можно быстрее, как только обычные обезболивающие станут хуже действовать. Постарайся, чтобы врач выписал фентаниловые пластыри, они удобнее, и если забудешь вовремя поменять, боль не сразу придет, будет время принять меры.

Некоторое время Данила молчал, переваривая информацию. Потом он спросил, тихо и неуверенно:

– Может, какие-нибудь новые лекарства есть? Экспериментальные, непроверенные?

Теперь настала очередь Кости долго думать. Будь это не Данила, а посторонний человек, Костя не стал бы думать, но Данилу было жалко, а еще жальче самого себя, если озверевший родственник покойного напишет донос в милицию. Но Данила... Костя вдруг вспомнил, как Инна сказала: «Желание исполнится быстрее, чем ты рассчитываешь». Может, так оно и исполняется? Таким жестоким путем? Впрочем, почему жестоким? Если это исполнение желания, больной наверняка выздоровеет, Инна за этим проследит.

– Костя? – позвал Данила.

Костя вздохнул и начал говорить.

– Есть один препарат, – сказал он.

2

Капельница почти опустела, литр желтой жидкости, очень похожей на мочу, большей частью переместился в вену. Олег нажал кнопку вызова медсестры.

Через минуту капельницу унесли. Олег осторожно сел, спустил ноги с больничной койки, нащупал тапочки, встал и направился к выходу из палаты. После капельницы всегда хочется в туалет.

Он двигался медленно и осторожно, каждую секунду ожидая, что правое подреберье отзовется резкой болью, это было похоже на эластичный шарик, наполненный болью, на него нажимаешь, он деформируется и выпускает боль из себя. Позавчера он думал, что умрет, что боль его разорвет, ему кололи анальгетики, он попросил что-нибудь посильнее, но Михаил Григорьевич сказал, что сильнее только наркотики, что придется пока потерпеть, а после операции станет легче.

После операции действительно стало легче. Вчера утром он лежал на кушетке на левом боку, в широко раскрытом рту торчала толстенная резиновая кишка, а на конце ее, он знал, делает свои дела маленький медицинский робот. Когда Олега готовили к операции, он успел разглядеть этого робота, маленький металлический паучок, ошестинившийся жутковатыми ножичками и щипчиками. А потом врач что-то нажал на пульте управления, паучок подобрал свои страшные ножки и превратился в блестящее яйцо на конце длинного шланга. Выглядела эта конструкция очень порнографически, во время операции Олег не мог отделаться от ощущения, что его насилюют через рот извращенным образом, до самого желудка и даже чуть дальше. Но это длилось недолго, всего-то несколько минут. Укол острой боли глубоко в животе, почти в самом центре, и Олег почувствовал, как ужасный шарик сдувается и из него вытекает не боль, а что-то совсем безобидное.

– Желчь пошла, – сказал молодой парнишка-хирург, управлявший роботом.

– Биопсия? – спросил Михаил Григорьевич.

– Можно попробовать, – кивнул парнишка.

Еще один укол боли, гораздо сильнее, как будто ударили ножом под дых. Олег замычал, с этой кишкой во рту даже застонать нормально не получается.

– Тихо, тихо, – сказал Михаил Григорьевич. – Все уже сделано, больше больно не будет.

Сегодня Олег чувствовал себя гораздо лучше, анальгетики ему больше не кололи и даже таблеток не давали. То есть таблетки давали, но другие, не обезболивающие, а лечебные.

Туалет был занят. Олег подошел к посту медсестры и стал рассматривать бумажки, валяющиеся на столе беспорядочной кучкой. Внимание привлек лежащий сверху лист А4, отпечатанный на лазерном принтере. Раньше врачи заполняли свои бумажки от руки, профессионально неразборчивым почерком, а теперь стали набирать на компьютере. Очень удобно, можно прочесть, не ломая глаза и не думая, где какая буква. «Протокол операции», прочел он заголовок. И ниже: «Щукин Олег Дмитриевич».

Если бы дежурная медсестра сидела на посту, Олег постеснялся бы взять этот лист в руки и прочесть, но она куда-то отошла, и он не стал стесняться. Анамнез... ну это неинтересно, он и так знает свои старые болезни. Предварительный диагноз: заболевание поджелудочной железы Т3NXM1, вторичное поражение печени, механическая желтуха. Оттого, что нет нужды разбирать врачебный почерк, понятнее не становится. Могли бы написать нормальным русским языком, так нет, применяют всякие хитрые коды...

Туалет освободился, Олег положил бумагу на место и отошел от стола. Сейчас он двигался особенно осторожно, ему рассказали, что на прошлой неделе один старичок пошел ночью в туалет, поскользнулся, упал, ударился головой и умер. У того старичка был рак в

неизлечимой стадии, так что для него этот случай был скорее счастливым, чем несчастным, но все же.

Вернувшись в палату, Олег включил ноутбук. Раньше лежать в больнице было скучно, теперь нет, Интернет всегда под рукой, дорогой и ужасно медленный, но в больнице торопиться некуда, а деньги на мелкие расходы Олег давно перестал считать. Ну-ка, посмотрим, что это за T3NXM1...

Рассеянный взгляд уткнулся в часы в углу экрана. Олег понял, что прошел час. Он потряс головой, поморгал, вроде все нормально. Прислушался к ощущениям в животе – тоже все нормально. Пощупал печень – печень как печень, вроде даже не увеличена и не болит, если очень сильно не нажимать. Но у врачей мнение явно другое, теперь Олег понимал, почему Михаил Григорьевич так долго прощупывал его живот.

Олег открыл тумбочку и засунул руку далеко вглубь, там пылился нераспечатанный блок сигарет. Вчера Олег решил, что больница – хорошее место, чтобы бросить курить, он давно уже собирался это сделать, да все никак не мог собраться с духом. А когда ближайшее место для курения в пяти минутах ходьбы от палаты, а ходить тяжело, сам бог велел попробовать. Это тогда он так думал, теперь он понимал, что это решение было идиотским. Никотин не успеет его убить, рак убьет его намного раньше.

3

– Привет, папа! – сказал Данила, входя в палату.

Еще вчера Олег обратил внимание на то, как странно смотрит на него сын. Тогда это повеселило его, тогда он полагал, что его выпишут через неделю-другую, и единственное, что изменится в его жизни, – он больше не будет злоупотреблять жирными отбивными. Годы уже не те, пора начинать думать о здоровье. А теперь оказывается, что думать о здоровье уже поздно.

– Привет, – сказал Олег.

Встал навстречу сыну, взял у него сумку с едой, стал запихивать в холодильник йогурты.

– Ты лучше выглядишь, – сказал Данила.

– Это временно, – сказал Олег. – Ты уже знаешь?

Улыбка Данилы замерла и как бы приклеилась к губам. Его лицо словно парализовало, он продолжал улыбаться, но глаза смотрели серьезно и печально.

– Врачи рассказали? – спросил он.

– Врачи хрен чего расскажут, – неожиданно зло ответил Олег. – Конспираторы чертовы. Увидел в одной бумажке трехбуквенный индекс, посмотрел в Интернете, все понял.

Данила кивнул и сказал:

– Так даже лучше, не надо ничего объяснять.

Открыл борсетку и вытащил маленький стеклянный пузырек, заткнутый резиновой пробкой. Затем вытащил запечатанный одноразовый шприц.

– Это еще что такое? – спросил Олег.

– Помнишь Костю Бирюлева? – спросил Данила. – Мы с ним вместе учились, он у меня был на каком-то дне рождения, и еще потом мы пили вместе пару раз...

– Не помню, – сказал Олег. – А какое он имеет отношение...

– Он работает в НИИ по гранту как раз по этому...

Данила явно стеснялся произнести вслух слово «рак». Но Олег его понял.

– Сколько ты ему заплатил? – спросил он.

– Нисколько, – ответил Данила. – Это экспериментальный препарат, он пока не продается.

Когда Данила вошел в палату, Олег как раз заканчивал читать обзор экспериментальных методов лечения рака. Основной вывод он уже прочел – эффективных лекарств нет и в обозримом будущем не предвидится.

– Что дает это лекарство? – спросил Олег. – Лишнюю неделю, временное улучшение самочувствия, что-то еще?

– Полное излечение, – заявил Данила. – В девяноста пяти процентах случаев.

Олег нахмурился.

– Тогда почему о нем нигде не пишут? – спросил он. – Только не надо говорить, что это происки медицинских чиновников.

– Это не происки медицинских чиновников, – сказал Данила. – Тут другое, – он замялся. – Препарат не испытывался на людях, только на мышах.

– Тогда этот твой Костя не имел права давать его тебе, чтобы ты вколол мне. Если я от него умру, ты его по судам затаскаешь.

– Не затаскаю, – сказал Данила. – Он предупреждал про побочные эффекты, говорил, что может стать хуже. Но все мыши, кроме одной, теперь абсолютно здоровы.

– А с этой одной мышью что случилось?

– Стремительный распад опухоли, смерть от внутреннего кровотечения. Она прожила меньше суток, Костя говорит, это быстрая и гуманная смерть. Решать тебе, но я думаю, попробовать стоит. Хуже уже не будет...

Олег задумался. Данила прав, хуже уже не будет. Надо только привести дела в порядок. Впрочем, а что тут приводить в порядок? Весь бизнес и так на сына оформлен, чиновникам заниматься бизнесом формально запрещено.

– Хорошо, – сказал Олег. – Давай попробуем. Если что, ты знаешь, где меня хоронить. Документы на могилу проверил, не потерялись?

Данила растерянно помотал головой. Ему было не по себе, он не ожидал, что отец так по-деловому отнесется к предстоящей смерти. Олег и сам от себя не ожидал этого, но, если вдуматься, почему он должен относиться к смерти иначе? Потому что так принято? Глупости. Если смерть не внезапная, а запланированная, это просто очередное мероприятие в жизни, самое последнее, но далеко не самое ответственное. И организаторская работа по нему ничем принципиально не отличается от работы по другим мероприятиям.

– Ладно, потом проверишь, не будем время тянуть, – сказал Олег. – Что медсестре будешь говорить, придумал?

– Какой медсестре? – не понял Данила. – Зачем ей что-то говорить?

– Сам колоть будешь? – догадался Олег. – А не боишься? От неправильного укола вроде умереть можно?

– Это от внутривенного, – сказал Данила. – А если в задницу колоть, Костя говорил, сильно не навредишь, даже если неправильно уколешь, просто больно будет, и все. Ну, если спиртом плохо протереть, может чирей вскочить.

– Ты уж хорошо протри, – сказал Олег.

Спустил штаны и лег на койку животом вниз. Через две минуты он встал. Было больно, медсестры колют гораздо лучше.

– Шприц здесь не выбрасывай, с собой возьми, по дороге выбросишь, – сказал Олег. – Незачем уборщицу удивлять.

Они вышли на улицу, и некоторое время гуляли по больничному парку. Разговор не клеился, говорить было не о чем. Боль от укола быстро прошла, а больше ничего необычного Олег не чувствовал. Разве что легкую слабость, но к этому ощущению он давно привык. Думал, что переутомление, а оно вон как оказалось...

Пришло время прощаться. Они обнялись, Олег подумал, что надо произнести какие-то торжественные слова, но в голову ничего не приходило. Сын, похоже, чувствовал то же самое. Они постояли, помолчали, а потом сын ушел.

Олег выкурил сигарету, достал мобильник и набрал номер Саши Гриднева.

– Здравствуй, Саша, – сказал он. – Я тебе днем звонил, забудь, что я говорил.

– Врачи ошиблись? – радостно спросил Саша.

– Нет, – сказал Олег. – Может случиться так, что я не успею воспользоваться тем, о чем просил. Вероятность небольшая, пять процентов, но ты все равно пока не суетись. И, это...

Он почувствовал, как перехватило дыхание. Никогда не считал себя слезливо-сентиментальным, а тут вдруг стало тяжело говорить.

– Спасибо тебе, Саша, – с трудом произнес он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Спасибо, что не послал с просьбой, да и вообще спасибо. Приятно было с тобой работать.

– И тебе спасибо, – отозвался Саша. – Мне будет тебя не хватать.

– Попробуй выйти на Борю Новикова, – посоветовал Олег. – Он пока еще не в больших чинах, но скоро вырастет. Думаю, года через три он меня перерастет. Я буду рекомендовать его на свое место, меня не послушают, но парня заметят. Ладно, прощай, Саша.

– Прощай, Олег, – тихо ответил Саша.

Олег выкурил еще одну сигарету и вернулся в палату. По дороге ему пришла в голову замечательная идея. Приглашения на поминки с непроставленной датой и собственноручной подписью покойного – это коллеги запомнят надолго.

4

В пятницу Андрей к Косте не приехал. Как сказал Андрей, дачная поездка у них отменилась, у этого Ольгиного Саши появились какие-то срочные дела на работе, причем ему нужна машина, а ехать на электричке Ольга отказалась, да и Андрей не рвался. Так что пятничному папе в виде исключения выделили субботу.

Они решили съездить за город. Лаборант Витя рассказал Косте о хорошей площадке для шашлыков, она недалеко от города и народу там почти нет, потому что ее построили совсем недавно и о ней мало кто знает. Костя вбил координаты в навигатор, и сегодня они направлялись туда. Точнее, они собирались туда направиться, а пока Костя и Инна ехали за Андреем.

Дом, в котором жили теперь Ольга и Андрей, был новостройкой, этакая округлая башня с пентхаусом на крыше и асимметрично выступающими балкончиками. Как будто дом строили, ориентируясь на пластилиновую модель, которую архитектор сделал не слишком аккуратно. Дом был окружен забором с воротами, сейчас ворота были распахнуты настежь и Костя заехал внутрь.

Андрей стоял у подъезда, рядом с припаркованным черным «Гелендвагеном», и о чем-то разговаривал с каким-то мужиком. Андрей улыбался, из-за этого Костя не сразу понял, с кем именно он разговаривает.

Костя библикнул и высунулся из машины, приветственно махая рукой. Наткнулся на мрачный взгляд лысого амбала, и улыбка мгновенно исчезла с лица Кости, он весь как-то съежился.

Лысый подошел к машине, протянул руку и сказал:

– Извини.

Костя машинально пожал руку через открытое окно, затем поставил машину на ручник, открыл дверь и вышел. Разговаривать с этим Сашей, когда ты сидишь, а он стоит, почему-то было неудобно.

– Извини, – повторил Саша. – Я был не прав. Вышел из себя, наделал глупостей... Не обижайся, пожалуйста.

Этот лысый здоровяк сейчас выглядел жалко, хотелось ему посочувствовать, пробормотать что-то вроде «Да ладно, чего уж там...» Но Костя хорошо помнил, каким было лицо этого типа в краткий миг перед тем, как он отправил Костю в нокдаун.

– Ударь меня, если хочешь, – сказал Саша. – Если думаешь, что полегчает. Я действительно жалею, что избил тебя, оно того не стоило. Ольга рассказала мне, как все было, ты не виноват.

Костя удивленно поднял брови.

– Ну, почти не виноват, – уточнил Саша.

– Она тебе рассказала? – спросил Костя.

Саша улыбнулся, и его улыбка была совсем не зверской, а доброй и обаятельной.

– Я умею спрашивать, – сказал он. Заметил удивление Кости, хихикнул и добавил: – Нет, я ее не пытал, я просто умею правильно задавать вопросы, это профессиональное.

Костя ощутил резкую неприязнь к этому мужику. Понятно теперь, почему кровавую кобню так ненавидят! Психологи чертовы, крутят людьми как хотят. Андрей вот от него уже тащится...

– И, это... поздравляю, – сказал Саша. – Андрей говорил, ты изобрел...

Секунду назад Костя хотел повернуться спиной, сесть в машину и больше никогда не разговаривать с этим кобнюком, но вдруг ответил, неожиданно для самого себя:

– Это еще проверить надо, что я изобрел.

– Конечно, – сказал Саша. – Но все равно поздравляю. Здравствуй, Инна.

– Привет, – отозвалась Инна.

Оказывается, пока они разговаривали, она тоже вышла из машины. Странно, что она сказала «привет», а не «здравствуйте», он ей в отцы годится. Впрочем, она мысли читает, а значит, лучше знает, кому что говорить.

– Андрей о тебе рассказывал, – сказал Саша. – Но я не думал, что ты такая красивая.

Инна смущенно улыбнулась и потупила глазки, как сделала бы на ее месте любая юная девушка. Косте показалось, что она играет, специально изображает смущенную лолитку. Почувствовала опасность?

– Студентка? – спросил Саша, обращаясь к Косте. И сразу же, не дожидаясь ответа, сказал: – Извини, я просто так любопытствую. Не хочешь, не отвечай, это не мое дело.

Бросил на нее короткий выжидательный взгляд и отвернулся. Кажется, ею он тоже пытается манипулировать, но непонятно, с какой целью.

– Ладно, не буду навязываться, – сказал Саша. – Рад, что у вас все хорошо, меньше будет совесть мучить. – Он улыбнулся. – Успешно отдохнуть! Пока, Андрей!

Андрей сел на заднее сиденье, Костя завел мотор, они поехали. Когда машина остановилась около светофора, Андрей сказал:

– Папа, ты зря дуешься на Сашу. Он нормальный мужик.

«Видел бы ты этого нормального мужика, когда он тебе морду бьет», – подумал Костя.

Андрей тем временем продолжал:

– Я понимаю, это обидно, когда тебя побили, но, знаешь, я бы на его месте тебе всю морду разукрасил, а он только напугал и оттащил. Знаешь, какой у мамы фингал под глазом был? Я на тебя так разозлился, был бы дома – убил бы.

– Извини, – сказал Костя. – Мне очень стыдно.

Он понял, что его слова звучат как издевка, и быстро добавил:

– Мне правда очень стыдно. Знаешь, как мне плохо было после этого? Вообще жить не хотелось.

– Ладно, пап, проехали, – сказал Андрей. – Инна, а как ты с папой познакомилась?

Инна долго молчала, а потом сказала:

– Знаешь, Андрей, это, наверное, глупо, но я не хочу рассказывать. Извини.

– Стесняешься? – спросил Андрей. И добавил, не дожидаясь ответа: – Не хочешь, не надо. Экзамен сдать не могла?

Андрей забыл, что Костя уже год как не преподает. Или, может, он думает, что отец изменяет матери уже целый год? Костя не стал уточнять, больше всего ему сейчас хотелось прекратить этот разговор.

– Нет, Андрей, – сказала Инна. – Я не такая глупая, как ты думаешь. Какая тебе разница, как мы встретились с твоим папой? Главное, что мы любим друг друга, и тебе придется ко мне привыкнуть. Если тебе неприятно, давай, я выйду, езжайте вдвоем.

– Ну уж нет, – заявил Андрей. – Мы поедем троим, и я буду тебя травить. Но не жестоко, а так, чуть-чуть.

Костя недовольно поморщился. «Жестоко травить» – это его выражение. Почему дети перенимают от родителей самое худшее?

– Хорошо, трави, – сказала Инна. – Но только чуть-чуть, не жестоко. Будешь травить жестоко – буду плакать.

Андрей захихикал.

– На это стоит посмотреть, – сказал он. – Никогда не видел, как ты плачешь.

Они вяло переругивались, а Костя думал, что между Инной и этим кобнюком Сашей есть что-то общее. Они оба умеют манипулировать людьми, разница только в том, что Инна читает мысли, а Саша обходится без этого. И еще разница в том, что Инна хорошая и добрая,

а Саша... А черт его знает, какой он на самом деле, ведь если бы Инна дала ему в морду, он бы не думал, что она хорошая и добрая.

5

Через день после операции Олегу сделали томографию, а на следующий день после этого Олег решил серьезно поговорить с врачом. Подстерег в коридоре после обхода и после необходимых вежливых слов (типа можно вас отвлечь на минутку) сказал:

– Михаил Григорьевич, я знаю свой диагноз.

Олег ожидал, что Михаил Григорьевич удивится или смутится, но врач остался спокоен.

– Это только предварительный диагноз, – сказал он. – Точно будет известно, когда будет готова биопсия.

– А это когда будет? – спросил Олег.

– Завтра-послезавтра, – ответил Михаил Григорьевич.

Интересно получается. Олег уже приготовился помирать, а оказывается, еще ничего толком не известно. Не самая толковая идея была колоть непроверенное лекарство.

– Велика вероятность, что это не рак? – спросил Олег.

– Один-два процента, – ответил Михаил Григорьевич.

Олег вздохнул. Эти врачи кого угодно в гроб вгонят! Нет чтобы сразу все сказать, так нет, вначале дал надежду, а потом...

– Сколько мне еще здесь лежать? – спросил Олег.

– Завтра сделаем томографию, – ответил Михаил Григорьевич. – Потом дождемся результатов биопсии, и можно будет выписываться. Недели через две начнем химиотерапию.

– А дальше?

Михаил Григорьевич пожал плечами.

– Дальше – как повезет, – сказал он. – Посмотрите в Интернете, там много статей по этому поводу.

– Там написано, что химиотерапия неэффективна, – сказал Олег.

– Обычно – да, – кивнул Михаил Григорьевич. – Но случаются счастливые исключения.

– А у меня не та редкая форма, когда муци... чего-то там...

– Нет, – покачал головой Михаил Григорьевич. – К сожалению, нет.

– Хорошо, – сказал Олег. – Спасибо. Значит, томография и на выписку, правильно?

– Еще надо к психологу сходить, – добавил Михаил Григорьевич. – Раз вы узнали диагноз, это обязательно.

Олег криво усмехнулся.

– Боитесь, что повешусь? – спросил он.

Михаил Григорьевич не поддержал шутку, а серьезно кивнул.

– Не спешите, – сказал он. – Вам осталось жить не очень долго, но это будет почти нормальная жизнь. Будет легкая слабость, температура может слегка подпрыгивать, диету придется соблюдать, но мучиться не придется. Последнюю неделю будет тяжело, вот тогда можно будет подумать, о чем вы только что сказали. А пока не надо, не торопите события.

– Спасибо, – сказал Олег. – Не ожидал от вас такой честности, обычно врачи о плохом стараются не говорить.

– Вы производите впечатление адекватного человека, – сказал Михаил Григорьевич. – Таким пациентам я предпочитаю говорить правду. Вот только таких пациентов очень мало, к сожалению. Вы в бога верите?

Олег отрицательно покачал головой. Михаил Григорьевич немного колебался и добавил:

– Пожалуй, дам вам еще один совет. Пожалуйтесь психиатру... ну, то есть... – он махнул рукой, – короче, пожалуйтесь, что плохо спите, она выпишет снотворное, а в следующий раз пожалуйтесь, что таблетки плохо помогают. Вам выпишут снотворное в ампулах.

– Спасибо, – сказал Олег и пожал руку врачу.

Психиатр была совсем молодой девчонкой в очках с толстыми стеклами. Олег ожидал, что беседа будет чисто формальной и закончится вердиктом «здоров», однако девушка вписала ему в карту диагноз из примерно десяти цифр, разделенных точками. Не стоило, видимо, отвечать на вопрос: «Как себя чувствуете?» «Для покойника очень хорошо». Впрочем, как показал поиск в Интернете, диагноз был совсем пустячный, что-то вроде «эмоциональная неустойчивость». Снотворное девушка выписала, даже жаловаться не пришлось, она сама спросила, не мучает ли бессонница. Похоже, у таких больных это обычное дело, что неудивительно.

Сделали томографию. А на следующий день Михаил Григорьевич сообщил, что готовы результаты биопсии.

– Диагноз подтвердился, – сказал он.

Он явно пытался придать голосу подобающую скорбность, но ничего не получилось – он думал о чем-то другом, и это что-то было совсем не грустным.

– И что там? – спросил Олег. – Я читал, опухоли как-то различаются...

– Ничего особенного, – сказал Михаил Григорьевич. – Опухоль как опухоль, обычный такой кондовый...

Он резко оборвал окончание фразы, видимо, забыл на мгновение, что разговаривает не с коллегой, а с пациентом. Олег уже знал из интернетовских форумов, что врачи-онкологи не любят произносить слово «рак», особенно когда разговаривают с пациентами или их родственниками.

Олег не стал больше ничего спрашивать. Экспериментальное лекарство не подействовало, он скоро умрет. Что ж, Данила попытался что-то сделать, не его вина, что ничего не получилось. Даже странно, что хоть это ему удалось, Олег не строил иллюзий относительно своего сына – раздолбай, притом не слишком умный. Сопьется он, скорее всего. Очень жаль, но не смог Олег воспитать из сына достойного человека, и неудивительно – надо было не пропадать на работе с утра до вечера, не вваливать все воспитание на жену, мир ее праху. Делать карьеру – дело хорошее, но надо знать меру. А теперь уже поздно пить боржоми.

Наступил день выписки. Данила приехал за ним на машине, и они поехали в поликлинику мэрии, встать на учет к онкологу. А потом поехали в районный онкодиспансер и сделали то же самое. Оказывается, наркоконтроль запрещает ведомственным поликлиникам выписывать тяжелые наркотики, так что придется ездить то туда, то туда. А наркотики уже не за горами, живот снова стал побаливать, пока справляется баралгин, но вряд ли это надолго.

6

Данила позвонил Косте через неделю после того, как Костя передал ему пузырек с лекарством.

– Как дела у отца? – спросил Костя. – Препарат подействовал?

– Непонятно, – вздохнул Данила. – Похоже, что нет. Сделали томографию, врач говорит, диагноз подтверждается, рак. А как быстро это лекарство должно было подействовать?

– Не знаю, – ответил Костя. – Мыши выздоравливают за неделю, у человека, по идее, процесс должен дольше идти. Пусть твой отец пока лечится, как лечился, а там видно будет. Температура не поднималась?

– Поднималась несколько раз, – сказал Данила. – Но не сильно, до 37.7. Это хорошо или плохо?

– Это никак. Если бы до 39 поднялась – было бы плохо. Томографию делали?

– Делали.

– Когда? В смысле, через сколько дней после инъекции?

– Дня через два-три.

– Слишком рано, препарат еще не успел подействовать. За пару дней до химиотерапии надо еще раз томографию сделать, в другом месте. Сразу будет видно, подействовал препарат или нет.

– А где ее можно сделать? – спросил Данила.

– Да где угодно, – сказал Костя. – Ее только бесплатно трудно сделать, а за деньги никаких проблем, звонишь по любому объявлению и договариваешься. И еще скажи ему, когда они будут спрашивать, зачем пришел, пусть скажет, что подозревает рак, а к врачам пока не обращался.

Прошло еще дней десять. Все мыши в контрольной группе погибли, все мыши в экспериментальной группе выздоровели. А потом, однажды вечером, в Костиной квартире раздался звонок в дверь.

Костя не сразу открыл дверь, сначала он посмотрел в «глазок» и убедился, что звонят только ему, никто из соседей в общий коридор не вышел. Дело в том, что Костя жил в двух шагах от метро, это очень удобно, но у такого расположения квартиры есть свои недостатки – постоянно трезвонят продавцы гнилой картошки и краденых дубленок, а также сумасшедшие бабки, агитирующие то за коммунистов, то за православие, а иногда и за то, и за другое одновременно. Поэтому Костя никогда не открывал дверь сразу, пусть лучше другие соседи объясняются с этими спамерами.

Но в этот раз звонили только ему. Костя подошел к общей двери, посмотрел в «глазок», увидел там неразличимый человеческий силуэт и злобно спросил, готовясь обругать очередного продавца:

– Кто?

– Это я, Данила, – ответил силуэт.

Костя открыл дверь. Данила был не один, рядом с ним стоял высокий и худощавый седовласый мужчина, Костя сразу вспомнил его, они пару раз встречались, только тогда он еще не был седым. Лицо мужчины имело тот неуловимый отпечаток, который отличает онкологических больных. Оттенок кожи чуть-чуть не такой, морщины немного необычно расположены, невозможно точно сформулировать, в чем отличие от здорового человека, но наметанному глазу все ясно с первого взгляда. Неужели препарат не подействовал?

В руке мужчина держал объемистую блестящую сумку, расписанную золотистыми цветочками, в таких сумках обычно носят подарки. Рядом с Данилой на полу стояла еще одна сумка, большая и бесформенная, из нее вкусно пахло чем-то мясным.

– Здравствуйте, – сказал Костя.

Он никак не мог вспомнить, как зовут отца Данилы.

– Олег Дмитриевич, – представился тот и протянул руку.

– Костя, – представился Костя, пожимая ее. – Заходите.

Они вошли в квартиру, Данила сразу поволок большую сумку на кухню, а Олег Дмитриевич вручил Косте сумку поменьше. В ней обнаружилась здоровенная бутылка «Хен-несси», еще более здоровенная бутылка виски, наверняка очень дорогого, Костя не мог сказать точно, он в сортах виски не разбирался, и на дне толстый запечатанный конверт.

– Знал бы – цветы бы принес, – сказал Олег Дмитриевич, увидев Инну, которая вышла в прихожую поздороваться с гостями. – Данила говорил, ты с женой развелся.

Последовал обмен стандартными вежливыми фразами, а потом Инна отправилась на кухню помогать Даниле накрывать на стол. Костя вытащил из подарочной сумки конверт и серьезно сказал, глядя в глаза Олегу Дмитриевичу:

– Это лишнее.

– Это не лишнее, – возразил Олег Дмитриевич. – Я ценю свою жизнь намного выше.

– Все хорошо? – спросил Костя. – Что показала вторая томография? А то вы нехорошо выглядите.

Олег Дмитриевич улыбнулся.

– Подозрение на хронический панкреатит, – заявил он. – Еще есть подозрение на цирроз печени в начальной стадии, и больше ничего. Опухоль рассосалась, на томографии ее не видно, только небольшие изменения в тканях. Я так понимаю, я здоров?

Костя пожал плечами.

– Не знаю, – сказал он. – Откуда мне знать, это же первый эксперимент на человеке. Надо будет каждые три месяца делать контрольное обследование, вдруг опухоль снова проснется. Возможно, потребуются повторные инъекции раз в год или раз в два года.

Олег Дмитриевич раздраженно махнул рукой.

– Это ерунда, – сказал он. – Я уже помирать собрался, а тут... Да не стой ты с этим конвертом, бери, ты эти деньги честно заработал. А если стесняешься, считай, что это аванс, у меня в этом деле свой шкурный интерес имеется. Не возражаешь, если я выйду на мэра с коммерческим предложением от твоего имени? Я навел справки в Минздраве, ваш институт из онкопроекта выперли, а у мэра племянница умерла от рака в позапрошлом году, он тогда переживал сильно, хоспис построил за свои личные деньги и городу в дар преподнес. Ну, то есть эти деньги формально не его личные, у него весь бизнес на жену записан, но это были реально его деньги, не казенные.

Костя не знал, что ответить, он был растерян. Все так неожиданно... Инна говорила, что желание начнет сбываться быстро, но не до такой же степени... И еще эти заморочки финансовые... Костя знал, что профинансировать научный проект – дело непростое и не совсем законное, отмывы и откаты – неотъемлемая часть этого бизнеса. Но сам он никогда лез в эти дела, он давно понял, что не любит и не умеет работать с чиновниками, его дело – пробирки, микроскопы и генетические базы, вот с этим он работать умеет и любит.

– Я передам ваше предложение Денису, – сказал Костя. – Это мой начальник, он у нас занимается всеми организационными делами.

Олег Дмитриевич нахмурился.

– Тебе решать, – сказал он. – Но я бы на твоём месте не стал на него завязываться. Впрочем, это твоё дело, пойдем лучше выпьем за мое исцеление. Данила, там готово уже?

Они выпили. Начали с шампанского, потом перешли на коньяк. Судя по этикеткам, и то и другое было чудовищно дорогим, но Костя не почувствовал ничего особенного. Коньяк даже, пожалуй, резковат немного.

Инна совсем не пила, да и Данила ограничился одним фужером шампанского. Это удивило Костю, в студенческой юности Данила принимал на грудь очень много. Олега Дмитриевича это тоже удивило, он аж поперхнулся, когда Данила сказал, что переходит на сок.

– Вы тоже сильно не налегайте, – посоветовал Костя Олегу Дмитриевичу. – Здоровье у вас еще не полностью восстановилось, печень повреждена, подозрение на цирроз – дело серьезное. Кстати, вам после томографии сидюк с результатами выдали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.